А. Г. ИВАНОВ

К. Д. УШИНСКИЙ

1824-1870

Ярославское областное
государственное издательство
1 9 4 9

А. Г. ИВАНОВ

К. Д. УШИНСКИЙ

1824-1870

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Ярославское областное
государственное издательство
1949

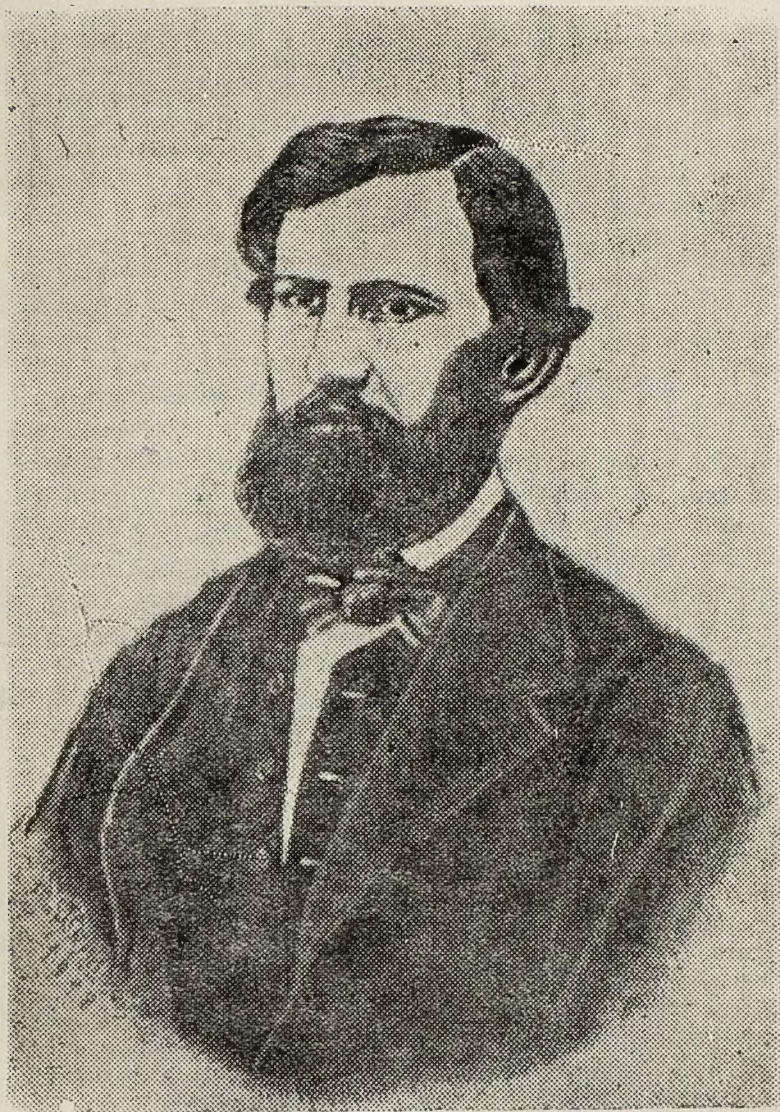
Имя Константина Дмитриевича Ушинского широко известно, как имя великого русского педагога. Особенно оно близко нам, ярославцам, поскольку первоначальная педагогическая деятельность Ушинского развернулась в Ярославле, где он работал в качестве профессора Ярославского Демидовского лицея. 3 января 1946 года наша страна широко отметила память Ушинского в связи с 75-летней годовщиной со дня его смерти. Постановлением советского Правительства Ярославскому государственному педагогическому институту было присвоено имя Ушинского, Красная улица в г. Ярославле переименована в улицу им. К. Д. Ушинского. Для студентов и аспирантов Ярославского педагогического института и ряда других высших учебных заведений страны учреждены стипендии имени Ушинского. В Ленинграде будет воздвигнут памятник К. Д. Ушинскому. Учреждена серебряная медаль К. Д. Ушинского для награждения особо отличившихся учителей и деятелей в области педагогических наук. Установлен бронзовый бюст великого педагога в конференц-зале Академии педагогических наук РСФСР. В постановлении Правительства указан также ряд других мероприятий по увековечению памяти выдающегося русского педагога.

Советский народ с огромной любовью чтит память К. Д. Ушинского — борца за просвещение, отца русской народной школы и учителя русских учителей.

Советская педагогическая наука творчески воспринимает разработанную К. Д. Ушинским систему воспитания, развивая ее лучшие, передовые идеи и критически относясь к тем принципам педагогики К. Д. Ушинского, которые свидетельствуют об известной ограниченности общественно-политических взглядов автора и колебаниях его между материализмом и идеализмом.

Выпуская в свет книгу кандидата педагогических наук, доцента Ярославского педагогического института имени К. Д. Ушинского тов. А. Г. Иванова, Ярославское издательство ставит своей задачей ознакомить широкие круги трудящихся нашей области с биографией великого русского педагога К. Д. Ушинского. В книге публикуются некоторые новые материалы, недавно обнаруженные в архивах и относящиеся к ярославскому периоду деятельности Ушинского.

К. Д. Ушинский. 1864 г.

«Сделать как можно более пользы моему отечеству — вот единственная цель моей жизни, и к ней-то я должен направлять все свои способности».

К. Д. Ушинский.

ГОДЫ ДЕТСТВА И ОТРОЧЕСТВА

Константин Дмитриевич Ушинский родился 19 февраля 1824 года по старому стилю (по другим данным — 1823 года) в городе Туле, в семье чиновника Тульской казенной палаты. Отец его, Дмитрий Григорьевич, был небогатым дворянином и имел на Украине, близ города Новгород-Северска, Черниговской губернии, небольшой дом с усадьбой, под названием «дом Ушинских», и хутор с 12 дворами крепостных крестьян, которых в 1824 году отпустил «на волю».

В юношеские годы отец Ушинского учился в Москве, в университетском благородном пансионе для дворян. Затем он был зачислен на военную службу и принимал участие в качестве офицера в Отечественной войне 1812 года. Оставив военную службу, Д. Г. Ушинский работал советником в Тульской, Полтавской и Олонецкой казенных палатах, а потом—губернским казначеем в Вологде. В 1833 году отец Ушинского переехал в Новгород-Северск, где занял должность уездного судьи. Сыну его Константину в это время было восемь лет.

Усадьба Ушинских примыкала к городской черте. Дом находился на высоком берегу Десны, откуда на много верст кругом открывалась красивая панорама. Его окружал обширный, но довольно запущенный фруктовый сад.

Новгород-Северск и его окрестности оставили неизгладимый след в памяти К. Д. Ушинского. Много позднее в своих воспоминаниях он с восторгом писал: «А во-

ля, а простор, природа, прекрасные окрестности городка, а эти душистые овраги и колыхающиеся поля; а розовая весна и золотистая осень разве не были нашими воспитателями? Я вынес из впечатлений моей жизни глубокое убеждение, что прекрасный ландшафт имеет такое огромное воспитательное влияние на развитие молодой души, с которым трудно соперничать влиянию педагога; что день, проведенный ребенком посреди рощ и полей, когда его головой овладевает какой-то упоительный туман, в теплой влаге которого раскрывается всё его молодое сердце для того, чтобы беззаботно и бессознательно впитывать в себя мысли и зародыши мыслей, потоком льющиеся из природы, что такой день стоит многих недель, проведенных на учебной скамье».

Это благотворное влияние природы на личность ребенка Ушинский противопоставлял тому казенному строю в школах и гимназиях, который сложился в России при режиме Николая I, когда из школы было вытравлено все живое.

На одиннадцатом году жизни мальчик осиротел: умерла его мать. О ней Ушинский сохранил трогательно-нежные воспоминания. Мать сама руководила первоначальными его занятиями и сумела дать прекрасное направление развитию личности сына, пробудив в нем любознательность, пытливость и любовь к книгам.

Отец Ушинского, овдовев в 1835 году, вступил во второй брак. В жизни сына произошла большая перемена. «Мать моя умерла,—писал Ушинский,—когда мне не было еще двенадцати лет, а отец по смерти матери почти не жил дома, так что я жил один с меньшим братом моим на том хуторке, куда никто не заглядывал».

В 1833 году Константин стал посещать Новгород-Северскую гимназию. Она находилась на окраине города. До нее было около 4-х верст. «Моя гимназия, — писал впоследствии Ушинский,—помещалась за городом, в ветхом старом здании, постройка которого относилась еще к временам Екатерины II или чуть ли еще не далее... Длинное, низенькое, ветхое, почерневшее здание со своей скверной, украшенной флюгером будочкой наверху, в которой качался неугомонный колокольчик, походило более на паровую винокурню, чем на храм науки: окна в старых рамах дрожали, подгнившие полы, залитые чернилами и стоптанные гвоздями каблуков, скрипели и прыгали; расколовшиеся двери притворялись плохо, длинные

старые скамьи, совершенно утратившие свою первоначальную краску, были изрезаны и исписаны многочисленными поколениями гимназистов. Чего-чего только не было на этих скамьях! И ящички самой замысловатой работы, и прехитрые, многосложные каналы для спуска чернил, и угловатые человеческие фигурки; солдатики, генералы на лошадях, портреты учителей; бесчисленные изречения; бесчисленные обрывки уроков, записанные учеником, не понадеявшимся на свою память; клеточки для игры в скубки, состоявшей в том, что гимназист, успевший поставить три креста сряду, драл немилосердно своего партнера за чуб. Старые почерневшие портреты героев екатерининского времени, в старых, источенных червями рамах качались на стенах, украшенных обрывками обоев».

Лишенный после смерти матери домашнего надзора, мальчик полюбил гимназию. «Плохо было это здание,— вспоминал он,— но мне жаль его, как жаль первых снов своей детской жизни». Ушинский любовно описывал жизнь и быт гимназистов до самых мельчайших деталей: «В самой гимназии тогда никто не жил, кроме двух учителей и трех или четырех стариков-инвалидов, служивших при гимназии сторожами. Все же учебное стадо, и овцы, и пастыри, являлось в гимназию два раза в день, утром и вечером, на время уроков, а потом шумно рассеивались по маленькому, но живописному городку, залитому садами, разбросанному по небольшим горам, прихотливо изрезанным рвами, на красивом берегу Десны. Количество учащихся в гимназии превосходило вместимость маленького здания... В низших классах бывало до того душно, что какой-нибудь новенький учитель, еще не привыкший к нашей гимназической атмосфере, долго морщился и отплевывался, прежде чем начинал свой урок».

Учащиеся состояли частью из детей горожан Новгород-Северска, частью из приезжих своей и соседних губерний. Приезжие жили по квартирам. «Надзора за квартирной жизнью всего этого огромного количества детей со стороны гимназического начальства не было решительно никакого, если не считать весьма редких и неожиданных нашествий инспектора (заведующего учебной частью гимназии—**А. И.)** на какую-нибудь квартиру, раскурившуюся уже до того, что дым валил из окон, или где (увы!) счеты из винных лавочек оказывались уже слишком длинными.

Но осторожные хозяева, боясь потерять квартирантов, устраивали по большей части дело так, что инспектор оставался с носом. Гувернеров (классных воспитателей—**А. И.)** сначала не было ни одного, а потом хотя и появились один или два, то такие, что лучше бы их и не было. В самой гимназии до прихода учителей, как и в Киевской бурсе (духовной семинарии—**А. И.),** описанной Гоголем, устраивались различные воинственные игры, оканчивающиеся иногда порядочным побоищем. Если же партия шалунов или ленивцев оставалась иногда без обеда в гимназии, то, несмотря на то, что у оштрафованных отбирались фуражки и снималось по сапогу, не унывали. Под боком был высокий тенистый монастырский сад, где между рядами могил росли старые ветвистые яблони и груши, а чтобы перелезть через высокий деревянный забор и, в случае внезапного нападения монахов, быть свободнее при отступлении, то для этого снимался и остальной сапог.

Иногда устраивались преинтересные флотилии на соседней громадной луже, причем бывало не без купанья; ученики же постарше бегали иногда и в слободку, расположенную за монастырем и славившуюся веселостью своих обитателей и еще более обитательниц. Весной отправлялись в огромные извилистые рвы, изрывшие меловые окрестности Н-ска; там росла чудная земляника, там же я и сотни подобных мне брали первые уроки в курении табаку из очеретового чубука и глиняной или меловой самодельной трубочки; эти первые уроки, конечно, оканчивались весьма приятным опьянением и даже рвотой; иногда давались и гораздо более гибельные приятельские уроки и устраивались довольно грязные оргии. В гимназии мы еще подвергались какой-нибудь дисциплине, поддерживаемой палями [1], стоянием на коленях, или ночевкой в избе сторожа-старика, тершего табак на весь город и готового за гривенник на всякую услугу заключенному; но за стенами гимназии мы решительно предоставлены были самим себе и случаю».

Из этого описания Ушинским гимназии, как ни теплы были его воспоминания о ней, видно, однако, что детство и отрочество великого педагога протекало в

---

[1] «Пали»—обозначает на украинском языке удар линейкой по ладони. (Примечание Ушинского).

неблагоприятной для развития обстановке. Убогая гимназия, каких было большинство в дореволюционной России, в сущности не обеспечивала ни правильного воспитания и обучения, ни правильного надзора за воспитанниками.

Но и в тех гимназиях, которые считались примерными и образцовыми, дело воспитания было поставлено не лучше. Отзываясь об этих лучших гимназиях, по преимуществу столичных, и сравнивая их с Новгород-Северской, Ушинский писал: «Впоследствии я узнал, что в иных огромных детских казармах, где все так вылакировано, вычищено, все блестит и сверкает, все хвастливо кидается в глаза своей обдуманностью и порядком, где дети находятся ежеминутно под бдительным надзором неусыпных начальников, украшенных за свою бдительность всеми возможными отличиями, заводятся между детьми те же пороки, которые водились и между нами в бедных лачугах Н-ска, только эти пороки принимают здесь еще более характер повальных болезней, тщательно скрываемых, но не искореняемых начальством».

Будущего гениального педагога не могло удовлетворять такое обучение, оно все более и более порождало в нем стремления самому найти ответ на тысячи вопросов, возникающих в голове каждого человека в эту пору жизни. Эта самостоятельная работа ума шла у гимназиста Ушинского особняком от гимназии. Он хотел самостоятельно получить то, чего не давала ему гимназия.

Однако как ни убога была Новгород-Северская гимназия, ее директор Илья Федорович Тимковский сумел привить гимназистам, по словам самого Ушинского, чувство гордости за их маленькие знания и «почтительный страх», который овладевал воспитанниками гимназии при слове «университет». Любимыми предметами И. Ф. Тимковского была русская словесность и латинский язык, которые полюбил и Ушинский. Кроме того, Ушинский увлекался историей, преподавателем которой был М. Г. Ерофеев.

Что касается других предметов гимназического курса, то о них Ушинский писал: «Другие предметы были слабее, а новые языки, по неимению ни хороших преподавателей, ни хороших руководств, шли очень плохо».

Любовь к истории и русской словесности и была той первоначальной почвой, на основе которой у Ушинского

развился глубокий интерес к общественной жизни и благородное чувство любви к своей родине, стремление отдать ей все свои силы и способности.

Каждому человеку свойственна мечтательность, особенно в пору отрочества и начала юности. Отдал, конечно, ей дань и Ушинский. Он так писал об этом: «Из хутора я ежедневно должен был ходить в гимназию и еще до города пройти версты две по живописному берегу Десны. Сколько перемечталось на этом прекрасном берегу, на этих «кручах», нависших над рекой... Как оживлялась и наполнялась впечатлениями жизнь моя, когда приближалась весна: я следил за каждым ее шагом, за каждой малейшей переменой в борьбе зимы и лета. Тающий снег, чернеющий лед реки, расширяющиеся полыньи у берега, проталины в саду, земля, проглядывавшая там и сям из-под снега, прилет птиц, оживающий лес, шумно бегущие с гор ручьи,—все это было предметом моего страстного недремлющего внимания, и «впечатления бытия» до того переполняли мою душу, что я ходил, как полупьяный. Но вот и снегу нет более, и приятная нагота деревьев в саду заменялась со всех сторон манящими таинственными зелеными глубинами; вот и вишни брызнули молоком цветов, зарозовели яблони; каштан поднял и распустил свои красивые султаны...»

Впечатлительный юноша вносил свои дополнения часто самого причудливого и фантастического содержания в сообщенные на уроках исторические факты. «В голове моей,— писал далее Ушинский,— особенно когда я медленно, шаг за шагом, брел из гимназии, сплетались сложные фантастические истории, в которых, конечно, я был героем. Само собой разумеется, что большая часть этих фантазий была воинственного содержания; но иногда они принимали странный аскетический характер. Воинственные предания Н-ска, осада его самозванцем, защита Басмановым, участие в шведской войне, множество преданий удалого казачества, ясные остатки укреплений,—все это, перемешанное с множеством воинственных повестей, послужило мне к созданию длинной нескончаемой истории, которою я несколько лет сокращал свою длинную дорогу. Местность бралась тут же, и моя фантазия работала над нею. Полуразрушенные валы возобновлялись, там и сям поднимались зубчатые стены и высокие башни...»

Не отличаясь особенным прилежанием и блестящими успехами в гимназических предметах, Константин Ушинский, однако, переходил из класса в класс. Но его не удовлетворяли те знания, которые давались в гимназии по большинству предметов, отталкивала зубрежка в преподавании. Тощие учебники были далеки от жизни.

Не находя удовлетворения своей любознательности в гимназическом учении, юноша все более и более отдаляется от гимназии. И когда пришло время экзаменов на аттестат зрелости, любознательный и широко начитанный выпускник оказался неподготовленным к ним. Выпускного экзамена Ушинский не сдал и аттестата зрелости не получил. В свидетельстве, выданном ему вместо аттестата зрелости, было сказано: «при превосходных дарованиях, старание к приобретению знаний употреблял посредственное».

Но это не выбило юношу из колеи. Он начал самостоятельно готовиться к дальнейшему учению и в том же году, в котором оставил гимназию, успешно выдержал вступительный экзамен в Московский университет. 30 сентября 1840 года Ушинский был зачислен студентом юридического факультета.

МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Первый русский университет, в который поступил К. Д. Ушинский, был основан нашим великим ученым, академиком, сыном архангельского крестьянина, Михаилом Васильевичем Ломоносовым. В соответствии с разработанным Ломоносовым уставом, Московский университет первоначально был учрежден в составе трех факультетов: юридического, медицинского и философского. Ко времени поступления в него Ушинского добавился четвертый факультет—физико-математический.

Ушинский поступил в Московский университет в тот период, когда жестокий и властный деспот Николай I с беззастенчивой прямотой и откровенностью осуществлял реакционную программу подавления в России всего живого и свободомыслящего. Восстание декабристов было разгромлено. Николай I ненавидел все, что напоминало хотя бы даже умеренную буржуазно-монархическую конституцию. Он окружил себя бездушными чиновниками

и бюрократами, ревностными охранителями престола и мракобесами. Среди именитых царедворцев было немало иноземных офицеров и советников. Даже пост министра народного просвещения занимал немец Ливен. Политика Николая I выражала собой крайнее равнодушие царя к судьбе России и, как писал Герцен, «презрение к народу, полное незнание национального характера».

Но передовая русская мысль не замирала. Она развивалась в неустанной борьбе с царизмом, тесно связывая себя с жизнью и борьбой русского народа против царизма и крепостничества.

Центрами общественного движения в России стали университеты. Вокруг них возникали, правда немногочисленные и замкнутые, кружки и группы революционно настроенной молодежи. В этих кружках начал свою деятельность и А. И. Герцен, сыгравший «великую роль в подготовке русской революции» [1].

Молодой Ушинский внимательно следил за политической борьбой, пытаясь разобраться в ней, чтобы найти свое место и определить свою жизненную цель. 13 ноября 1844 года он пишет в дневнике: «Будем трудиться над постройкой чудного здания, которому внуки наши дадут свое имя, истинных творцов которого никто никогда не узнает. Пренебрегая насмешками, вытерпевая гонения, жертвуя всем: счастьем забытия (в котором теперь так немногие живут), наслаждением семейства, почестей, славы, богатства, не убегая туда, где живут счастливые, отказавшись совершенно от самого себя, — работаем для потомства! Велика тогда будет наша роль, велико назначение!»

Для характеристики пребывания Ушинского в университете большой интерес представляют воспоминания Ю. Рехневского, университетского товарища Ушинского. «Уже во время приемных экзаменов и первых лекций в университете,—рассказывает Рехневский,—мы все обратили внимание на Ушинского, тогда весьма молодого человека, почти мальчика, с черными выразительными глазами, с умным и чрезвычайно симпатичным лицом, которого живая и бойкая речь, с чуть заметным малороссийским акцентом, оригинальные и резкие суждения по поводу университетских лекций, тогдашних литературных и театральных явлений и всего того, что интере-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XV, стр. 464.

совало наш университетский мир, невольно возбуждали общее сочувствие.

...Получив довольно посредственное первоначальное образование, какое только и можно было получить в наших провинциальных гимназиях 30-х годов, плохо зная в то время иностранные языки, Ушинский, однако, с необыкновенной легкостью усваивал себе самые трудные философские и юридические теории, относясь к ним всегда критически. Нередко случалось, что после выслушания лекции, в которой нам передавалась какая-либо слишком мудреная теория (напр., теория владения по римскому праву, или Нибуровские идеи о древней римской истории), слушатели, плохо поняв суть дела, обращались к Ушинскому с просьбой изложить им всю эту мудрость по-своему, и он всегда успевал растолковать им сущность совершенно верно и удобопонятно».

Интересны воспоминания Рехневского о студенческом быте Ушинского. По окончании академического года Ушинский на летние каникулы ездил из Москвы в Новгород-Северск, к себе на родину, вместе со своими земляками-украинцами. «Большей частью он и его товарищи совершали путешествие из Москвы до Брянска на долгих, в Брянске покупали лодку и спускались по Десне до Новгород-Северска. В деревне он меньше занимался, писал стихи, много гулял, удил рыбу и приезжал к сентябрю в Москву румяный, полный... Ушинский и его малороссийские товарищи, возвращаясь в Москву после вакаций, обыкновенно привозили с собой большие мешки малороссийского сала, которое служило для нас важным подспорьем во время частых финансовых кризисов».

Отец Ушинского получал весьма посредственное жалованье, мало помогал сыну и часто подолгу не присылал ему денег. Приходилось зарабатывать, бегать по частным урокам. Нужда нередко навещала Ушинского. Однако он жил, по свидетельству Рехневского, «что называется, душа на распашку и делился с товарищами последним рублем и последней трубкой табака». Столовался Ушинский в студенческом трактире, который слыл как студенческий клуб: посетителями его были почти одни студенты; там часто устраивались пирушки с неизменными горячими спорами и дискуссиями по поводу тех или иных явлений в университетской и общественной жизни. «Уж тогда,—вспоминал Рехневский,—Ушинский отличался некоторыми качествами, которые

впоследствии наделали ему много врагов и принесли немало огорчений, именно—полнейшею независимостью характера и привычкою высказывать каждому откровенно свои убеждения, не взирая на то, как будет принята эта откровенность. Будучи отъявленным врагом всякой пошлости, всякого заискивания и низкопоклонства, он беспощадно казнил своими сарказмами тех из товарищей, которые, в виду приближавшихся экзаменов, ездили к профессорам с визитами и поздравлениями, или старались обратить на себя внимание прилежным записыванием лекций у таких профессоров, которые читали по печатным книгам. Студенты-аристократы, любившие пускать пыль в глаза французскими фразами, рысаками, франтоватыми мундирами и всякими модными затеями, страшно боялись Ушинского, которого остроты попадали очень метко».

В составе профессоров юридического факультета Московского университета того времени особо выделялись Т. Н. Грановский и П. Г. Редкин. Их лекции привлекали студентов всех факультетов, не исключая даже математического и медицинского.

Профессор Грановский читал среднюю и новую историю и, по единодушному признанию современников, был крупнейшим мастером лекторского искусства. В своих лекциях он выступал с осуждением крепостничества, «как заявитель великого ряда событий» (Герцен), которые должны неизбежно свершиться. Грановский страстно отстаивал идею отмены крепостного права в России и прививал студентам чувства глубокого сострадания по отношению к жестоко угнетавшемуся крестьянству. Белинский считал преподавательскую деятельность Грановского гражданским подвигом. Высоко ценил прогрессивную роль Грановского и Н. А. Некрасов. «Это был один из самых даровитых и богатых знанием ученых,—писал он,—это был профессор, к которому любовь его слушателей доходила до восторженного благоговения, и, наконец, это был человек, в котором сила и чистота убеждений, возвышенное благородство мыслей, чудная прелесть богато одаренной и широко развитой личности соединялись в прекрасное целое, благодатно полное, неотразимо обаятельное».

Профессор энциклопедии законоведения и государственного права П. Г. Редкин не отличался особенными лекторскими дарованиями, но увлекал слушателей об-

ширностью и глубиной знаний и неумолимой логикой изложения. Он широко знакомил студентов с передовой по тому времени научной и философской литературой.

В этой обстановке прогрессивного идеологического движения 40—50 годов прошлого века, как в стенах университета, так и за его пределами, в сознании Ушинского развивалась уверенность в победе разума («плебея-ума») над отринутым—старым и невозвратным. Обращая свой взгляд туда, «где трудно дышится, где горе слышится», студент Ушинский безоговорочно вставал на сторону новых идей. «В чем упрекают наш век?— спрашивает он в своем дневнике.—В недостатке энергии, в эгоизме, в бесцветности... Близка перемена: она начинается, она уже началась!.. Кончилась ночь. Вы спите, когда все вокруг вас уже движется! Проснитесь, заря занимается!.. Разве уж мы остановились у цели или утомились, ища ее? Нет, самое требование движения, пожирающее вас, доказывает противное. А вот и причина вашей муки! Вам жаль прошлого, невозвратного, потому что оно теперь никуда не годится, потому, что оно ложное, отринутое умом... Пойдем теперь на поле битвы, заглянем во все сферы, где совершается эта победа ума: в жизнь общественную, в жизнь домашнюю, в жизнь индивидуальную, в религию, поэзию, в художества, в науку. Везде мы найдем эту революцию в разных формах,—и везде увидим торжество плебея-ума...»

В решении Ушинским вопросов общественной жизни заметно большое влияние на него, как и на всю прогрессивную русскую интеллигенцию той эпохи, великого революционного демократа В. Г. Белинского. На весь мир звучали слова Белинского о могучем и славном будущем русского народа. Ушинский шел к Белинскому, вдохновляемый его пламенными призывами.

В это время Ушинский напряженно работает над вопросами истории. «Меня теперь совершенно занимает план,—пишет он в дневнике,—который должен определить цель всей моей жизни: именно—написать историю так, как я ее понимаю. Давно эта мысль, под различными формами, вертелась в моей голове, но никогда так отчетливо, так ясно она не являлась в моей голове».

В изучении истории Ушинский видит путь к научному пониманию явлений окружающей его жизни. Не тщеславие и не материальные выгоды, а интересы науки стано-

вятся его руководящим принципом в выборе этого поприща деятельности.

Требовательный к другим, Ушинский проявляет большую требовательность и к самому себе. После длительного перерыва в записях дневника, 20 января 1845 года, он устанавливает себе «рецепт» поведения из следующих правил:

«1) Спокойствие совершенное, по крайней мере, внешнее.

2) Прямота в словах и поступках.

3) Обдуманность действий.

4) Решительность.

5) Не говорить о себе без нужды ни слова.

6) Не проводить время бессознательно; делать то, что хочешь, а не то, что случится», и т д.

В 1844 году Ушинский успешно окончил юридический факультет университета и получил степень кандидата в числе пяти из 44 выпускников факультета. В качестве «отличнейшего кандидата» Ушинский был направлен советом университета в распоряжение попечителя Московского округа. В ожидании назначения он начал готовиться при университете к экзаменам на ученую степень магистра.

К. Д. УШИНСКИЙ В ЯРОСЛАВЛЕ

2 августа 1846 года Ушинский был назначен на должность исполняющего обязанности профессора камеральных наук[1] в Ярославском Демидовском лицее и переехал в Ярославль, в квартиру на Стрелецком проспекте (ныне улица имени Ушинского), д. № 30.

---

[1] «Камеральные науки»—это старинное название полного комплекса юридических знаний, необходимых для управления государственными имуществами и финансами. Слово «камеральный» произошло от латинского слова «камера» (camera) и в первоначальном значении предполагало комнату для хранения имущества (украинское слово «комора» в этом смысле имеет одно и то же значение). В конце IX столетия это слово (первоначально во Франции) стало обозначать казну королей, доходы казны, подати, пошлины, штрафы. Наконец, и самые недвижимые имущества королей, баронов, епископов, монастырей и т. п. стали называться камеральными. Особых присутственных мест для управления имуществами и доходами казны сначала не было; они управлялись отдельными чиновниками с самыми разнообразными названиями. В XIV веке появились специальные присутственные места при дворах королей для управления этими имуществами. В России, при Петре I, они

Ярославль. Демидовский юридический лицей.

Лицей в Ярославле, или как он первоначально был назван при открытии—«Училище Вышних Наук»—был учрежден 6 июня 1803 года П. Г. Демидовым.

Это училище занимало, говорилось в его уставе, «первую степень после центральных университетов в империи существующих». Оно имело целью «обучение правоведению, политической экономии, учению о финансах, математике чистой и прикладной, естественной истории, физике, химии, технологии, философии, истории, словесности, древним и новым языкам».

В 1833 году училище было преобразовано в Ярославский Демидовский лицей, с назначением готовить специалистов для занятия должностей в казенных палатах и присутственных местах. Соответственно с этим изменилась и программа преподавания: на первом месте

назывались камер-коллегиями. Занятия в этих камеральных коллегиях требовали специальной подготовки как юридической, так и технической, но, главным образом, юридической. Постепенно сложилась юридическая наука о казенном имуществе, которая стала называться камеральной наукой, или камералистикой, распадающейся в свою очередь на ряд частных отделов ее, частных наук: науку о финансах, науку о сельском хозяйстве, о лесоводстве, горном деле и т. п.

оказались предметы юридические и камеральные, остальные стали второстепенными.

Кстати, следует сказать и о дальнейшей истории лицея. В 1868 году он получил название Ярославский Демидовский юридический лицей, а в 1874 году был издан новый, крайне реакционный устав, сохранявший свою силу вплоть до 1917 года, по которому в лицее вводилось преподавание богословия и усиливалось изучение церковного законоведения; избирательная система замещения профессорских должностей была прекращена.

В течение 1874—1916 годов совет лицея неоднократно возбуждал ходатайство о преобразовании лицея в университет. Но только после Великой Октябрьской социалистической революции декретом Совнаркома РСФСР от 21 (8) января 1919 года, по ходатайству Ярославского губисполкома, лицей был переименован в университет.

В декрете о преобразовании лицея говорилось следующее:

«Совет Народных Комиссаров постановляет:

1. В ознаменование Октябрьской революции 1917 года, раскрепостившей трудящиеся массы от политического, экономического и духовного гнета со стороны имущих классов и открывшей им широкие пути к источникам знания и культуры, учредить Государственные Университеты в г. г. Костроме, Смоленске, Астрахани и Тамбове и преобразовать в Государственные Университеты бывшие Демидовский Юридический Лицей в Ярославле и Педагогический институт в Самаре.

2. Сроком открытия Костромского, Смоленского, Астраханского, Тамбовского, Ярославского и Самарского Государственных Университетов считать день первой годовщины Октябрьской революции—7 ноября 1918 г.

3. Кредиты на содержание указанных в п. п. 1 и 2 сего декрета Высших учебных заведений отпускать по смете Народного Комиссариата Просвещения.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. УЛЬЯНОВ (ЛЕНИН).

Управляющий делами Совета Народных Комиссаров
В. БОНЧ-БРУЕВИЧ.

21 января 1919 года»[1].

---

[1] «Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства», издание Юридического книгоиздательства, Москва, 1919 г., стр. 20.

Декретом Совнаркома СССР от 8 августа 1924 года[1] Ярославский университет был преобразован в Ярославский государственный педагогический институт, который существует и поныне. В 1946 году ему было присвоено имя К. Д. Ушинского.

Лицей помещался в обширном здании на городской набережной вблизи так называемой «Стрелки», при слиянии реки Которостли с Волгой. (В настоящее время этого здания не существует: оно сожжено белогвардейцами в дни мятежа 1918 года. Лицей был переведен в новое здание, в котором ныне помещается Ярославский педагогический институт).

Ушинский поступил в лицей в один из наиболее тяжелых моментов для университетского образования в России вообще и Демидовского лицея в частности. Университетский устав 1835 года и разработанный на этой основе устав Демидовского лицея 1845 года отличались от предшествующего устава усилением реакции в области высшего образования и весьма отрицательно сказывались на постановке учебной и научной работы. По уставу 1835 года сокращались права советов университетов; в то же время была усилена власть попечителей учебных округов над университетами. Из учебных планов было изъято преподавание естественного права и философии. Комплектование университетских библиотек было строго ограничено утвержденными свыше каталогами.

При вступлении в должность и. о. профессора лицея от Ушинского потребовали клятвенное обещание и, кроме того, подписку в том, что он не принадлежит «ни к каким... тайным обществам, внутри империи или вне её существовать могущим, и что впредь к оным принадлежать не будет».

Ушинский отдался педагогической работе в лицее со всем, свойственным его натуре, увлечением. Он весьма добросовестно готовился к лекциям и мастерски излагал их. Скоро он занял одно из наиболее почетных мест среди других профессоров лицея как даровитый лектор, превосходно владевший предметом.

---

[1] «Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства», издание Наркомюста, Москва, 1924 г., стр. 872.

Педагогическая деятельность в лицее рисовалась Ушинскому в самом идеальном свете. Курс камеральных наук Ушинский слушал у проф. Редкина и под влиянием его еще в университете стал специализироваться на изучении энциклопедии законоведения и государственного права. После первых же лекций, прочитанных Ушинским для слушателей лицея, он заметил, что юридические предметы были неправильно распределены по курсам: преподавание энциклопедии законоведения, дающей общие сведения о праве, было отнесено на второй год обучения. Студентам, например, приходилось сначала слушать государственное право, а потом, через несколько времени, изучать тему «Что такое государство», или сперва знакомиться с различными проявлениями закона, а потом лишь узнавать, что такое сам закон. При таком порядке преподавания у студентов оставались самые поверхностные и часто сумбурные знания. В докладной записке, представленной 3 сентября 1846 года совету лицея, Ушинский настойчиво требовал перенести энциклопедию законоведения на первый год обучения, и только после окончания этого курса приступить к чтению лекций по частным юридическим наукам.

Начав чтение лекций, Ушинский обнаружил, что в лицейской библиотеке очень мало книг по правоведению и политике: всего 253 названия в количестве 554 экземпляров. По курсу энциклопедии законоведения книг не было вовсе. В докладной записке от 11 февраля 1847 года, представленной на имя совета лицея, Ушинский по этому поводу писал: «Я решительно не имею от лицея никаких источников и должен руководствоваться одною собственною библиотекой, что чрезвычайно затрудняет чтение и делает невозможным излагать предмет с надлежащей полнотой. Источниками по этому предмету нельзя принять общих энциклопедических сочинений по самому их направлению и потому, что ни одно из них не представляет всестороннего воззрения на предметы. И потому, по разным частям энциклопедии должны быть приняты сочинения знаменитейших юристов по этим частям, а в лицейской библиотеке, кроме некоторых сочинений по римскому праву, других юридических почти никаких нет, а какие есть, то принадлежат прошлому столетию или вовсе негодны».

Ушинский представил совету лицея список книг для приобретения их в библиотеке на общую сумму 250

Ярославль. Дом, в котором жил К. Д. Ушинский.

рублей серебром. Узнав об этом, попечитель Московского учебного округа граф Строганов потребовал направить ему перечень книг, предполагаемых к покупке в качестве пособий по курсу, читаемому Ушинским. Директор лицея, получив предписание попечителя, официально предложил Ушинскому составить такой список. Ушинский исполнил это, и перечень книг был отослан в Москву с первой почтой. Через некоторое время пришел ответ. Из списка оказалось исключено более половины изданий. В особенности сильно пострадали книги по государственному, международному и финансовому праву. Было запрещено выписать для библиотеки всю юридическую литературу, трактующую вопросы права с точки зрения конституционных идей.

Самодержавие, напуганное ростом крестьянских волнений, выражавших массовый народный протест против крепостничества, чрезвычайно враждебно смотрело и на передовую интеллигенцию. Список книг, представленный Ушинским, именно по этой причине оказался неприемлемым. Николаевское правительство особенно подозрительно относилось в юридическом образовании к таким курсам как государственное право; программа преподавания этого предмета беспрерывно сужалась.

В противовес проводимым ограничениям в работе высшей школы со стороны самодержавия и министерства народного просвещения, Ушинский требовал расширения компетенции профессорско-преподавательского состава в обучении студентов. В 1847 году он совместно с профессором Львовским, прибывшим в лицей из Московского университета одновременно с Ушинским, разработал «Проект правил для испытания студентов Демидовского лицея и для присуждения им разных наград». В этом проекте Ушинский поднимал уже педагогические вопросы, касающиеся организации учебного процесса в лицее. Молодой профессор предлагал, чтобы преподаватель сам составлял программу испытаний и чтобы главная роль в оценке знаний студентов принадлежала также ему. Кроме этого, Ушинский рекомендовал новый порядок проведения письменных работ на серебряные медали: преподаватель устанавливает темы письменных работ и объявляет их студентам на первой лекции в начале академического года. При оценке написанной студентом работы «профессор, назначивший тему, по прочтении рассуждения, должен письменно изложить свое мнение о рассуждении и представить его вместе с последним в совет, где рассуждение читается снова и присуждается ему награда по большинству голосов, при равенстве которых голос профессора, назначившего тему, имеет перевес».

Ушинский первым провел опыт письменных работ по этому порядку. Результат был удачным. В 1847—1848 учебном году студентами лицея Алексеем Потехиным и Андреем Полозовым были подготовлены работы на тему: «Образование присутственных мест при Петре Великом». В отчете лицея об этих работах сказано: «Оба рассуждения чрезвычайно замечательны, трудно отдать решительное предпочтение которому-нибудь из них. Их достоинства и недостатки разны, но равносильны; по мнению предложившего тему (тема была предложена Ушинским—**А. И.**), оба эти рассуждения стоят полной и одинаковой награды».

Сущность предложений Ушинского сводилась к тому, чтобы было обращено большее внимание на самостоятельную работу студентов, развитие у них самостоятельного мышления. Совет лицея согласился с предложениями Ушинского, и проект был направлен на утверждение попечителю учебного округа.

Крупным фактом в деятельности Ушинского в Ярославле была его речь на тему «О камеральном образовании», произнесенная 18 сентября 1848 года на торжественном собрании лицея, в присутствии многочисленных приглашенных. Эта речь была издана в 1848 году Московской университетской типографией и явилась первой печатной работой Ушинского. Аналогичные речи часто произносились в то время на юридических факультетах университетов. Так, профессор И. В. Платонов произнес «Речь о камеральном образовании» (Харьков, 1848 г); профессор П. Г. Редкин—«Какое общее образование требуется современностью от русского правоведа». (Московский университет 15 июня 1846 г.). Речи эти свидетельствовали о том, какое важное значение придавалось тогда камеральной системе образования. Однако выступления Платонова и Редкина далеко уступают речи Ушинского как по богатству содержания, так и по яркости принципиальных установок. Ушинский резюмировал те методологические изыскания по вопросу о разработке камеральных наук, которые он в течение двух лет провел в лицее, читая порученные ему курсы.

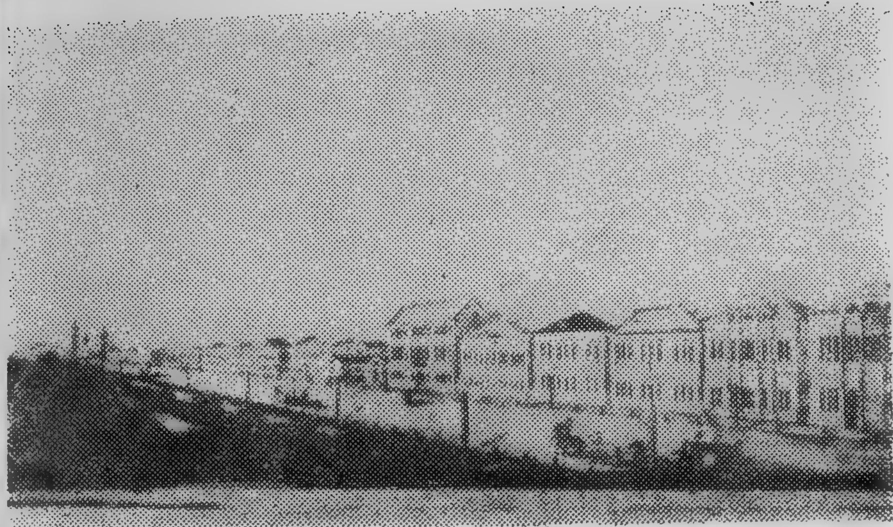
В своей речи Ушинский указал на огромное значение, которое имеет камералистика, как наука о хозяйстве, в государственной жизни. «Можно сказать с уверенностью,—говорил он,—что из десяти правительственных должностей по крайней мере семь имеют какое-нибудь хозяйственное значение». Ушинский критиковал стремление камералистов к разработке вопросов науки на одних голых философских посылках. Особенно резко нападал он на немецких камералистов, трактовавших вопросы науки чрезвычайно абстрактно. Они выводят правила,— утверждал Ушинский,— не из конкретной исторической деятельности людей, а из отвлеченных рассудочных умствований, бесполезных для жизни. Камералистика у немцев потеряла всякую определенную цель и открыла собою бесконечное поприще резонёрству. Немецкая наука «представляется мне,—говорил Ушинский,—чем-то вроде немецкой книги на серой бумаге и с красным обрезом...» Далее Ушинский отмечал, что хозяйственная деятельность каждого народа конкретна, то есть развивается по закону той мысли, которая выражена в физиономии его страны. Из частной хозяйственной деятельности отдельных народов и государств складываются свои частные науки хозяйства, без которых

немыслимо существование общей науки хозяйства. Но при этом общая наука хозяйства не будет простым соединением частных, она должна иметь свое особенное содержание. Отношение между ними должно быть такое же, какое существует между историей отдельного государства и всеобщей историей.

Второй вопрос, который осветил Ушинский в своей речи,—был о связи теоретических положений науки с жизнью. Наука должна носить действенный характер и служить удовлетворению жизненных задач общественного прогресса. Ушинский критиковал такую постановку образования, когда, «оставляя учебную скамейку и вступая в жизнь, мы начинаем совершать новую науку, беспечно и даже весело забывая школьную». Он указывал на необходимость всестороннего и глубокого изучения истории и современной деятельности людей, благодаря чему теоретическая мысль может с уверенностью заглянуть в будущее.

«Большая разница между знатоком дела, — говорил Ушинский,—который может приложить свои знания всегда и во всех обстоятельствах применяясь к бесконечному разнообразию явлений, и рутинером, который вращается только в известных заученных формах и, выходя из них, теряет голову... Трудно выразить уныние молодого человека, когда он в науке встречает те же мелочи, какие в обыкновенной жизни цепляются за него, как репейник за платье... Какую надобно иметь темную голову, чтобы заучивать определение сохи, дуги и т. п. А такими определениями загромождены немецкие учебники предметов, входящих в камералистику. И это называется возводить в науку; не скорее ли значит это низводить науку до пошлости». В противовес отсталой и ограниченной науке, центр тяжести нужно перенести на новые формы хозяйственной деятельности—индустриальное производство. «Индустриальное направление века, — подчеркивал Ушинский, — требует и науки индустриальной». Но при этом нужно не индустрию вводить в науку, а развивать её на основе индустрии.

Речь Ушинского была горячим призывом к творческому исследованию путей общественного и хозяйственного развития России. Она явилась выступлением против крепостничества и вскрывала тот факт, что крепостничество окончательно себя изжило, и на смену ему должны придти новые формы общественной и экономи-

Ярославль. Стрелецкий проспект (ныне улица им. К. Д. Ушинского), с акварели 1830 г.

ческой деятельности людей. Процесс развития нового невозможно остановить. «Если зерно раз посажено в землю,—говорил Ушинский,—и начало прорастать, то уже нет никакой возможности приостановить его развитие, или, лучше сказать, приостановить в нем процесс жизни. Раз проросшее зерно или будет развиваться, или станет гнить. Народ, вошедший в историческую область и согретый лучами исторического солнца, обходящего земной шар в своем торжественном ходе,—такой народ или будет развиваться, или будет разлагаться: середины нет... Таков наш взгляд на необходимость цивилизации для всякого исторического народа».

В страхе перед новыми идеями самодержавие всеми способами старалось ограничить и пресечь деятельность прогрессивных ученых: 7 ноября 1849 года было прекращено преподавание в лицее государственного права. Министерство боялось, что преподавание этого предмета будет способствовать распространению конституционных идей. С большой тревогой смотрело царское правительство на революцию 1848 года в Западной Европе.

Сразу же после получения первых известий о февральских событиях на Западе, в России были стянуты войска в пограничные районы; усилены меры наблюдения за частными разговорами и письмами; учрежден

особый комитет для пересмотра всех журналов и проверки деятельности цензуры.

В Ярославском лицее, на основании соответствующих указаний министерства, 9 февраля 1849 года было издано распоряжение ввести «ежедневные отметки г.г. профессоров и преподавателей о том, чем именно каждый из них занимал студентов в назначенные часы... для составления ежемесячных ведомостей, представляемых г. попечителю Московского учебного округа». Была заведена особая шнуровая книга для собственноручных отметок профессоров и преподавателей о читанных ими лекциях. Но всё это казалось недостаточным перепуганным царским сатрапам. Вскоре от преподавателей потребовали самых полных и подробных конспектов лекций с указанием цитат и авторов их, которые профессора и преподаватели намерены сообщить во время лекций студентам.

На заседании совета лицея Ушинский выступил с критикой такого распоряжения, сказав что живое педагогическое дело вообще, а тем более ученую деятельность, «невозможно связывать такими формальностями».

Это выступление и те новые теоретические и либеральные взгляды, которые ранее высказывались Ушинским и в лекциях для студентов, и в речи о камеральном образовании, наложили на него тень политической неблагонадежности.

Попечителем округа была назначена ревизия преподавательской деятельности Ушинского. В ревизорском отчете Ушинскому, между прочим, рекомендовалось «сначала поучить несколько лет в гимназии, где он мог бы приобрести большую опытность и необходимое хладнокровие при преподавании столь важных предметов взрослым уже молодым людям и приучился бы к строгому исполнению приказаний начальства». Следует ли удивляться тому, что столь незадачливые ревизоры, подобострастно исполнившие приказ попечителя, не замедлили предъявить Ушинскому и его товарищу—Львовскому, преподававшему политическую экономию, обвинение в том, что они «увлекаются своей молодостью и имеют наклонность действовать по своему впечатлению... отчего и в студентах было ослаблено уважение к начальству, и они стали производить шалости, отклонявшие дворян и других родителей от отдачи в лицей своих детей».

Нетрудно заметить, что это обвинение носило явно политический характер, ибо «шалости» выражали ни что иное, как неуважение к реакционному начальству и пылкое свободомыслие.

Получив отчет, попечитель округа сам выехал в Ярославль и принял крутые меры: им были отстранены от должности директор и инспектор лицея и предложено увольнение ряда профессоров, в том числе и Ушинского. В конце 1848—1849 учебного года Ушинский и Львовский подали новому директору прошения: Львовский—об освобождении его вследствие «расстроенного здоровья», а Ушинский—об отпуске в Петербург или Москву «для совещания с тамошними медиками о болезни».

Ушинский уехал в Петербург «в отпуск», но, по существу, оказался уволенным из лицея. На его место был назначен Н. А. Гладков, совмещавший одновременно с профессурой должность директора Ярославского тюремного комитета.

В ПЕТЕРБУРГЕ

Оставшись «не у дел» и без средств к жизни, Ушинский стал искать новое место, хотел даже устроиться на должность уездного учителя. Но все усилия оказались тщетными: нигде не решались принять уволенного за политическую неблагонадежность профессора.

Так прошло пять месяцев.

Ушинский возобновил ведение дневника. Глубокое отчаяние звучит на его страницах: «19 декабря 1849 года. Понедельник. Неужели я опустел окончательно!.. Небольшой толчок судьбы разбил все мои предположения, весь тот мир, который так долго во мне строился. И если я не вооружусь твердой волей, то я погибну посреди этих обломков, сделаюсь пустым человеком...» И далее: «23-го декабря. Неужели мне придется погибнуть в этой тюрьме... в которой нет даже стен, чтобы разбить себе голову... О, неужели же целый век исканий, целый век этих глупых, бесцельных ребяческих забот!.. Я не хочу никуда, куда ты толкаешь меня, о, нищета проклятая!..»

С большим трудом Ушинскому, наконец, удалось найти случайную канцелярскую работу. Он поступил на должность помощника столоначальника в департамент

иноославных исповеданий министерства внутренних дел с окладом 400 рублей в год.

Вполне понятно, что положение мелкого канцелярского служащего не могло удовлетворить бывшего профессора и страстного педагога. Служба в департаменте все более и более тяготила Ушинского. О своих переживаниях в это время он писал: «Чиновничий пролетариат—едва ли не самый грустный, самый тяжелый пролетариат в мире и, по крайней мере, самый убийственный... Душа отравляется мало-помалу, жизнь истощается с болью и по каплям... И много нужно времени, пока перестанешь презирать свою жизнь, пока сойдешь с ума и помиришься с нею!..»

В 1854 году Ушинский оставил службу. Еще раньше—с 1852 года—он начал сотрудничать в журналах «Современник» и «Библиотека для чтения»[1]. Уволившись из департамента, Ушинский занялся исключительно журнальной деятельностью, во время которой проявились его разносторонние способности беллетриста, историка, правоведа, публициста.

В 1852 году в «Современнике» был опубликован первый рассказ Ушинского—«Поездка за Волхов», положительно отмеченный критикой и вызвавший похвалу со стороны И. С. Тургенева. Вслед за ним появляются и другие печатные работы молодого автора: «История одной французской эскадры», «Труды Уральской экспедиции», «Магазин землеведения и путешествий», «Сейденгемский дворец», «О преступности в Англии и Франции»[2]. По поводу последней статьи Ушинский в письме к издателю журнала сообщал: «Посылаю Вам статью, о которой я Вам говорил. Я очень дорожу этой статьей: в ней высказывается много моих любимых убеждений. Если можете, поместите ее в сентябрьской книжке, а дальше я откладывать не могу».

---

[1] «Современник»—ежемесячный научный, политический и литературный журнал, основанный А. С. Пушкиным. С 1847 по 1866 год его редактором был Н. А. Некрасов. Журнал объединял передовые литературные силы и был знаменем русской революционной демократии. «Библиотека для чтения»—журнал, издававшийся в Петербурге с 1834 по 1865 год, освещал вопросы общественной жизни и популяризировал новинки науки и техники.

[2] Первые три статьи были напечатаны в журнале «Современник» в 1853—1854 годах; две последние—в «Библиотеке для чтения» в 1854 году.

В статье говорилось о причинах распространения преступлений и о влиянии грамотности на их сокращение. Автор её делал вывод: «образованность, цивилизация на той степени и в том виде, как она ныне существует, не уничтожает зерна преступления; она только изменяет, обусловливает формы, в которых оно проявляется. Через распространение знания она смягчает нравы. Под ее влиянием преступления уменьшаются относительно важности формы преступлений, но увеличиваются относительно числа их». Ушинский подчеркивал, что воспитание имеет большее значение, чем простая грамотность, что нельзя сводить его лишь к одним знаниям; огромное значение в воспитании людей, отсюда и в уменьшении преступлений, имеют и другие причины, коренящиеся в экономических и общественных условиях жизни людей, или, как очень осторожно замечает он, «развитие воспитания есть последствие развития богатства».

Кроме перечисленных статей Ушинский поместил в это время также несколько работ на географические темы в «Вестнике русского географического общества».

Литературно-публицистическая деятельность создала Ушинскому известную популярность. В ноябре 1854 года, благодаря содействию влиятельных друзей из кругов придворной аристократии, он получил должность старшего учителя русской словесности в Гатчинском сиротском институте[1], а несколько позднее, 15 апреля

---

[1] Гатчинский Николаевский сиротский институт был организован в 1803 году и назывался первоначально «Гатчинский сельский воспитательный дом». Это учреждение благотворительного характера имело целью «давать воспитание сиротам обоего пола с тем, чтобы по достижению ими десятилетнего возраста помещать их в разные мастерские».

В 1834 году курс учения в воспитательном доме был расширен, и приют получил громкое название—«Институт». Этим самым он приравнивался к гимназиям и предполагал подготовку воспитанников для поступления в университет.

В 1847 году была произведена новая реорганизация, после которой Гатчинский институт получил юридическое направление. При институте была малолетняя школа, в которую принимали детей моложе 10 лет; воспитанники 10—12 лет включительно поступали в младшие классы института и обучались до совершеннолетия. Институт был рассчитан на 700 воспитанников. Жили они в 13 пансионах (общежитиях). Окончившие курс размещались на службу по четырем министерствам: финансов, юстиции, государственных имуществ, внутренних дел.

1855 года, был назначен инспектором классов (заведующим учебной частью) этого института.

Вступлением на новое поприще Ушинский вернулся к педагогической деятельности, начатой им в Ярославле, с той лишь разницей, что в лицее он являлся профессором-юристом, а здесь—инспектором-воспитателем.

Русское общество переживало тяжелые годы. Поражение России в Крымской войне 1853—56 годов произвело гнетущее впечатление внутри страны. «Крымская война,—указывал В. И. Ленин,—показала гнилость и бессилие крепостной России»[1], расшатанность и продажность государственного аппарата, слабость русской армии, экономическую и промышленную отсталость страны. «Нация в 100 миллионов душ,—писал Энгельс,—играющая такую важную роль в истории мира, не могла, при нынешних экономических и промышленных условиях, продолжать пребывать в таком состоянии, в каком она коснела вплоть до Крымской войны»[2]. Возбуждение общественного мнения против феодально-крепостнической системы в экономической и политической жизни распространилось и на просвещение. В 1856 году со страниц журнала «Морской сборник» раздался энергичный голос критики существовавшей постановки воспитания. Этот голос принадлежал Н. И. Пирогову, знаменитому русскому хирургу, участнику Севастопольской обороны.

В статье «Вопросы жизни» Н. И. Пирогов выступил против политики самодержавия в области воспитания. Он обратился к педагогам с призывом отдать свои силы делу преобразования воспитания подрастающего поколения. Одним из первых откликнулся на этот призыв Ушинский. Будучи в Гатчине, он упорно разрабатывал вопросы воспитания, систематически готовился к великой и благородной роли русского педагога-реформатора. В 1857 году в «Журнале для воспитания» под весьма скромным заглавием появилась первая педагогическая статья Ушинского: «О пользе педагогической литературы». В этом же году были опубликованы и другие его статьи—«Три элемента школы», «О народности в общественном воспитании».

Ушинский создал теорию воспитания, по научному уровню стоявшую значительно выше западно-европей-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., том XV, стр. 143.

[2] «Летописи марксизма», т. III (XIII), стр. 130. Изд. 1930.

ской и американской педагогики. Своими трудами он пробудил в широких общественных кругах интерес к вопросам воспитания и дал толчок мощному развитию русской педагогической мысли. Ушинского называют «отцом русской педагогики», имея в виду при этом то огромное педагогическое наследство, которое было им оставлено, и влияние идей Ушинского на последующее развитие педагогической мысли.

В статье «О пользе педагогической литературы» Ушинский писал, что воспитание в России находится на чрезвычайно низком уровне. Причина этого в том, что царское правительство не заботилось о школе и пренебрегало вопросами просвещения. Автор статьи настоятельно доказывал необходимость сочетания теории педагогики и практической деятельности воспитателей.

Сопоставляя педагогику с медициной, Ушинский замечал: «Между искусством медицины и искусством воспитания много аналогий, и мы воспользуемся этой аналогией, чтобы показать яснее отношение теории к практике в деле воспитания. Одно ученье не может создать хорошего медика; для этого, конечно, необходима и врожденная наблюдательность, и многолетний опыт; но неужели поэтому должна быть отвергаема польза медицины, как ученья. Далеко бы ушла медицина, если бы она остановилась на рецептах знахарей и случайно открытых врачебных свойствах некоторых медикаментов! Каковы бы были результаты медицинской практики, если бы она оставалась только практикой, не обратилась за знаниями к наукам; если бы всякий, без предварительной подготовки, пускался в практику, надеясь на свои наблюдательные способности и рассчитывая только на личный опыт. Сколько грубейших ошибок, которые теперь не сделает студент, далеко не кончивший медицинского курса, предстояло бы испытать на таком пути даровитейшему человеку, и эти ошибки, стоившие многим жизни, причиняя громадный вред, оставаясь личным опытом, не принесли бы ни малейшей пользы: всякий должен был бы начинать снова, для себя лично, ту же дорогу ошибок. Самое предположение такой рутины в медицине кажется нелепым; но это только потому, что искусство лечения уже несколько веков опирается на науку. Но чем же такое мнение лучше в приложении к воспитанию. Почему от воспитателя можно не требовать предварительной подготовки к своему делу,

представляя всё его личной наблюдательности и его личному опыту?»

Педагогическая литература, делал вывод Ушинский, призвана оказать воспитателю неоценимую помощь, потому что «она знакомит нас с психологическими наблюдениями множества умных и опытных педагогов и направляет нашу собственную мысль на такие предметы, которые легко могли бы ускользнуть от нашего внимания», иными словами, служит на пользу подготовки опытных педагогов, познавших науку воспитания.

Эти убеждения Ушинский стремился претворить в своей практической деятельности. У него появляется мысль о создании при Гатчинском институте учительской семинарии по подготовке педагогов для младших классов средних учебных заведений и приходских школ. В составленной Ушинским докладной записке (дата которой не установлена) намечена новая структура института: элементарная школа; гимназия для воспитанников, непосредственно по окончании курса поступающих на гражданскую службу; подготовительная учительская школа; учительская семинария с образцовыми школами при ней. Последние, по мнению Ушинского, необходимы для практических занятий молодых педагогов. Автор записки предлагал уничтожить сословный характер института и внёс мысль об учреждении казённых стипендий для детей малосостоятельных родителей.

В статье «О народности в общественном воспитании»[1] Ушинский обосновывает центральную идею своей педагогической системы. Он приходит к выводу, что «1) Общей системы народного воспитания для всех народов не существует не только на практике, но и в теории, и германская педагогика не более, как теория немецкого воспитания. 2) У каждого народа своя особенная национальная система воспитания, а потому заимствование одним народом у другого воспитательных систем является невозможным. 3) Как нельзя жить по образцу другого народа, как бы заманчив ни был этот образец, точно так же нельзя воспитываться по чужой педагогической системе, как бы ни была она стройна и хорошо оборудована. Каждый народ в этом отношении должен пытать свои силы».

Ушинский подвергает уничтожающей критике стрем-

[1] Впервые эта статья была напечатана в «Журнале для воспитания» № 7—8 за 1857 год.

ление раболепствовавшего перед заграницей русского дворянства подражать в воспитании детей какому-либо иностранному образцу, нанимать воспитателей—французов, учить наукам непременно на французском (а не на родном) языке и т. п.

С чувством глубокой горечи Ушинский писал, что в России, в результате такого порочного воспитания, образованный человек «весьма плохо знает свое отечество сравнительно даже с малообразованным швейцарцем, французом, немцем, англичанином. Француз перенесет вам Москву на берег Балтийского моря, но свою родину, её историю, её великих писателей он непременно знает; русский опишет вам в подробности Лондон, Париж и даже Калькутту, и призадумается, если спросить у него, какие города стоят на Оке. До тех пор, покуда мы не знаем своей родины и пока это знание не распространится в массе народа, мы не будем в состоянии воспользоваться и теми средствами, которые предоставляют нам природа и население нашей страны, и будем бедны, потому что невежественны».

Следует сказать, что наряду с прогрессивными педагогическими идеями, развиваемыми Ушинским в этой статье, у него имеется в корне неправильный взгляд на национальные черты русского народа, характерной из которых автор называет патриархально-религиозную нравственность. Эта идеализация патриархальности свойственна и другим ранним работам Ушинского.

Ошибочно представляя жизнь деревни с уничтожением крепостного права, как общежитие свободных и равноправных мелких крестьян. Ушинский видел, что развитие капитализма в деревне приводило к обезземеливанию и разорению крестьянства. Огромные массы крестьян, в особенности малоземельных губерний (к каким относилась и Ярославская губерния), вынуждены были отправляться на отхожие заработки в город или совсем оставляли деревню вместе со своими семьями. Наблюдая это, Ушинский приходит к заключению, что развитие промышленности, и в целом цивилизация, нарушает «правильную» жизнь, уничтожает вековые устои нравственности, выраженные в патриархальном быте крестьянства. Здесь Ушинский явно противоречит сам себе: требуя развития просвещения, он решительно выступает против цивилизации, считая, что она разрушает нравственность. Ушинский обнаруживал этим непонима-

ние исторически-прогрессивной роли капитализма, сравнительно с отживающим свой век феодальным, крепостным строем.

В своих более поздних работах[1] он постепенно отходил от прежнего взгляда на патриархальность, но полностью с идеализацией ее не расстался до конца своей жизни.

* * *

В 1859 году Ушинский, зарекомендовавший себя превосходным педагогом-воспитателем, был переведен из Гатчины в Петербург, в Смольный институт, на должность инспектора классов [2].

По воспоминаниям известного педагога Е. Н. Водовозовой, обучавшейся в институте как раз в то время, когда Ушинский был назначен инспектором[3], институт воспитывал совершенно неразвитых в умственном отношении и конфузливых до дикости девиц. С раннего детства удаленные от природы и общества, они постепенно превращались в «кисейных барышень», вступали в жизнь «с самыми наивными предрассудками, с нелепыми требованиями от людей, с пошлыми и сентиментальными мечтами».

Вполне понятно, что Ушинский ни в коей мере не мог смириться с подобной системой воспитания. «Наконец в институт, окаменевший в своей неподвижности,— пишет Водовозова,—ворвался солнечный луч: в качестве

---

[1] В статье «О нравственном элементе в русском воспитании», опубликованной в конце 1861 года, и др. статьях.

[2] Смольный институт был открыт в Петербурге в 1764 году под названием «Воспитательное общество благородных девиц». Учреждение это имело цель дать «благородное воспитание» избранной части дворянства или, как указывалось в документах того времени, «произвести сперва способом воспитания, так сказать, новую породу, или новых отцов и матерей, которые бы детям те же прямые и основательные воспитания правила в сердце вселить могли». Институт был разделен на две половины—николаевскую, со сроком обучения 9 лет, и александровскую, со сроком обучения 6 лет. В первую—могли определять своих дочерей потомственные дворяне, имевшие чин не ниже полковника или статского советника, во вторую—лица ниже указанных чинов, до титулярного советника включительно. Институт являлся учреждением закрытого типа, программа обучения была весьма поверхностной. В последнем классе, например, изучались правила «доброго воспитания, благонравия, светского обхождения и учтивости». Какой-либо специальной подготовки Смольный институт не давал.

[3] Журнал «Русское богатство», 1908 год, №№ 7—11 «Дореформенный институт и преобразования К. Д. Ушинского».

инспектора классов к нам явился К. Д. Ушинский, этот величайший русский педагог-реформатор, а вместе с ним хлынула волна новых идей, которые стали подтачивать вековые допотопные институтские устои».

Характерно впечатление, оставшееся у Ушинского при первом посещении им уроков преподавателей института: «Ушинский вошел на урок как раз в ту минуту, когда Соболевский (учитель русского языка—**А. И.**) декламировал басню «Слон и Моська». Когда он произнес слова: «Ну на него метаться, и лаять, и визжать, и рваться», он старался все драматизировать более, чем когда-нибудь. С изумлением смотрел на него Ушинский, не делая ни малейшего замечания, но, чтобы прекратить комедию, наконец, сказал: «я буду диктовать». Когда после этого он просмотрел несколько тетрадей, то заметил, что некоторые воспитанницы делают в словах больше ошибок, чем букв, кивнул головой и вышел...

Оба они (Ушинский и Соболевский—**А. И.**) встретились на нижнем коридоре и Ушинский заметил:—Вы, вероятно, слышали много похвал выразительному чтению, но у вас уже выходит целое представление... Так кривляться даже как-то унизительно для достоинства учителя.—Соболевский и тут не понял, что эти слова—его приговор, и отвечал, что он с трепетом будет ожидать окончательного решения г. инспектора. Ушинский резко отвернулся от него и начал искать свои калоши. Соболевский нашел их и уже нагнулся, чтобы подать их ему, но Ушинский со злостью вырвал их у него и произнес с запальчивостью»: «Лакей на кафедре уже совсем не подходящее дело!.. Это мое окончательное решение!»

Ушинский предпринял полнейшую реформу института. Он разработал новый учебный план, по которому было увеличено количество часов для преподавания русского языка, естествознания и географии. Вместо изучавшейся ранее пиитики (стихосложения) и риторики (науки о красноречии) введены были уроки литературного чтения и литературы. Для старших воспитанниц устроены научные кабинеты и лаборатории, где регулярно проводились практические занятия.

Как ни странно, до Ушинского никто из преподавателей не замечал отсутствия наглядных пособий, вернее не думал о их необходимости, хотя в институте имелась превосходная по тому времени коллекция минералов, животного мира, гербарии, элементарные физические

приборы. Все это институтское начальство держало под строжайшим запретом потому, что коллекция была когда-то передана институту Екатериной II и хранилась как «царственное приношение». Таким образом, недостатка в оборудовании для учебных кабинетов и лабораторий не было. Ушинский распорядился привести в порядок кое в чём устаревшую коллекцию и использовать её.

В обоих отделениях института был установлен одинаковый, девятилетний, срок обучения. Последние два года перед выпуском воспитанницы изучали педагогику и психологию, которые преподавал сам Ушинский. Изменились и методы учебно-воспитательной работы. Раньше слушательницы не имели права задавать вопросы преподавателям, теперь уроки стали носить характер бесед.

Нововведения Ушинского в корне преобразили Смольный институт, вокруг которого объединилась значительная группа прогрессивных русских педагогов.

Повседневные институтские дела не могли поглотить всей творческой энергии Ушинского. Он продолжает разрабатывать теорию воспитания, вводя в нее новые жизненные элементы, почерпнутые из практики.

В 1860 году Ушинский опубликовал статью «Труд в его психическом и воспитательном значении» [1], которая может быть названа гимном труду и трудовому человеку. Статья проникнута одной идеей: труд, и только он, лежит в основе истинной нравственности. Что было бы с обществом,—спрашивал Ушинский,—если бы люди перестали трудиться? И отвечал: «разврат и дикость завладели бы обществом, самое общество распалось бы... С уничтожением необходимости личного труда сама история должна прекратиться». «Воспитание,—пишет далее автор,—если оно желает счастья человеку, должно воспитывать его не для счастья, а приготовлять к труду;

---

[1] Статья эта опубликована в «Журнале министерства народного просвещения», редактором которого с 9 марта 1860 года был назначен К. Д. Ушинский. Важно отметить, что, редактируя журнал, Ушинский значительно изменил его содержание. Раньше главным отделом журнала был официальный, где печатались различные циркуляры и распоряжения министерства. Ушинский обратил основное внимание на научно-педагогические статьи, привлек к сотрудничеству в журнале опытных корреспондентов-воспитателей. В течение полутора лет Ушинский напечатал в журнале статьи—«Психологические монографии», «О нравственном элементе в русском воспитании», «Воскресные школы», «Проект учительской семинарии», «Родное слово».

оно должно дать ему возможность отыскать для себя труд в жизни».

Именно через труд,—заключает Ушинский,—находит человек своё счастье, там, где нет труда—нет и счастья.

Не меньшее внимание привлекает и статья «О нравственном элементе в русском воспитании». Она является продолжением ранней работы Ушинского, упоминаемой выше, «О народности в общественном воспитании».

Присматриваясь к процессу нравственного воспитания в различных слоях русского общества, Ушинский находил или полнейшее отсутствие заботы о нравственном воспитании, или совершенно неправильные понятия о том, в чем должно заключаться воспитание, к чему нужно готовить подрастающее поколение.

В большинстве случаев дети дворян и представителей других имущих классов воспитывались на фоне полного пренебрежения к идее отечества, в духе антипатриотизма. Итальянским ариям и французскому языку придавалось в привилегированных семьях гораздо большее значение, нежели знанию родного языка и народной поэзии. В воспитании преобладало тщеславие и семейный эгоизм, противоречившие общественным интересам. Люди бессмысленно растрачивали часто последние крохи, чтобы «блеснуть» образованностью своих детей, прививая им самые дикие взгляды на жизнь. «Учись хорошенько, будешь умнее других, будешь богат, в чинах, выйдешь в люди, станешь человеком... Этот выход в люди перепортил у нас не одно поколение. По нашему понятию люди где-то вверху, выше нас, а не наравне с нами и тем более не внизу нас»,—писал Ушинский.

Совершенно иное наблюдал он в крестьянстве, где видел «много могучих задатков честной гражданственности, полной силы народности и бескорыстной человечности. Начало товарищества, проявляющееся в дружинах, новгородских ватагах, малороссийском казачестве и нынешних артелях, не показывает ли, что высокое чувство дружбы глубоко коренится в славянской природе... А 1612 год (ополчение Минина и Пожарского — **А. И.**) не доказали ли, что русские сознают себя единым—и самостоятельным народом... Нет, не мы предлагаем народу нравственное образование, а он сам его хочет, просит и требует от нас, обязанных своим образованием его тяжелым трудам». Ушинский отстаивал мысль о развитии народной школы, основанной на самобытной русской пе-

дагогической науке: «дух школы, её направление, её цель должны быть обдуманы и созданы нами самими. сообразно истории нашего народа, степени его развития, его характеру».

В 1861 году вышла в свет книга Ушинского «Детский мир» [1], получившая большую известность. В ней содержался популярный материал по естествознанию, географии и истории, который имел целью подготовить почву для формирования научного мировоззрения учеников Особенно ценной была система упражнений для развития у детей логического мышления. Однако книга не совсем отвечала своему назначению. Некоторые её разделы носили религиозно-мистический характер, что, естественно, противоречило общему идейному замыслу. Такая двойственность в мировоззрении самого автора свойственна и другим произведениям Ушинского.

Педагогическая деятельность Ушинского во время пребывания его в Смольном институте горячо поддерживалась в прогрессивных педагогических кругах, но далеко не так была она воспринята официальными монархиствующими «просветителями» и педагогами-консерваторами. На Ушинского был составлен анонимный донос, в котором он обвинялся в атеизме и политической неблагонадежности. Узнав о доносе, Константин Дмитриевич потребовал расследования фактов, но просьба его не была удовлетворена. Через некоторое время Ушинский был уволен из института [2].

Об этом возмутительнейшем факте травли и изгнании великого русского педагога безо всякого разбора дела Герцен писал в «Колоколе», указывая на вопиющую беззаконность, царившую при самодержавии: «По несчастью, она только сильна, когда делает, не ведая, что творит, волю всяких Леонтьевых, Налетовых, подковырнувших в Смольном монастыре Ушинского» [3].

---

[1] К. Д. Ушинский начал составление книги «Детский мир» в 1859 году и предназначал ее для чтения в младших классах Смольного института. Полное название книги — «Детский мир и хрестоматия. Книга для классного чтения, приспособленная к постепенным умственным упражнениям и наглядному знакомству с предметами природы».

[2] Донос был написан помощником Ушинского К. Н. Налетовым и священником института Гречулевичем, при полном одобрении начальницы Смольного института М. П. Леонтьевой.

[3] Герцен А. И., Собр. соч., т. XV, стр. 236, 1920 г.

В ИЗГНАНИИ

В июле 1862 года Ушинский вместе с семьей[1] уехал в Швейцарию. Но путешествие это сказалось отрицательно на здоровье Ушинского, страдавшего хроническим воспалением легких. «Ах, если бы мне выбраться отсюда живому! Этот климат меня окончательно расстроил» — писал он на родину.

По возвращении из-за границы семья Ушинских поселилась сначала на хуторе Богданка, в 20 верстах от Новгород-Северска, в доме родителей Надежды Семеновны, а затем в Киеве.

Последующие годы жизни Ушинского были богаты плодотворной научно-литературной деятельностью. В сентябре 1864 года вышла из печати первая книга «Родного слова» — учебника русского языка для начальной школы. Книга Ушинского в течение многих лет служила образцом при составлении подобной литературы и выдержала 146 изданий.

В специально написанном «Руководстве к преподаванию по «Родному слову» Ушинский указывал, что книга «назначается исключительно для первоначального обучения отечественному языку» и имеет три цели: развитие речи детей путем систематических упражнений; усвоение форм языка, выработанных как народом, так и литературой; усвоение логики языка, т. е. грамматических законов и логической системы. В обучении грамоте автор «Родного слова» рекомендовал вместо существовавшего тогда буквослагательного метода—звуковой.

«Родное слово»[2] сыграло огромную роль в развитии народной школы. По свидетельству педагогов того времени, учебник Ушинского превосходил все аналогичные издания как в отечественной, так и в мировой учебной

---

[1] В 1852 году К. Д. Ушинский вступил в брак с Надеждой Семеновной Дорошенко, другом детства по Новгород-Северску. Ко времени поездки в Швейцарию у него было двое сыновей—Павел и Владимир и две дочери—Надежда и Вера.

[2] По изд. 137-му, 1908 года, учебник Ушинского состоял из трех книг (для каждого класса начальной школы одна книга).

Книга первая (для 1 класса) — азбука и первая после азбуки книга для чтения с прописями, образцами для рисования и картинками в тексте. В разделе «Азбука» сначала идут картинки для рисования по квадратикам. Далее—письменная азбука, за нею — печатная. Второй раздел состоит из рассказов, описаний и упражнений для развития навыков чтения, а также одновременно даю-

литературе. Журнал «Семья и школа» писал о «Родном слове»: «После немецкой мертвечины, затхлого поучения в виде сентенций, нравственных рассказов, образцов добродетели, вдруг послышалась в школе живая речь, раздался резкий веселый детский смех. Ушинский в педагогике своим «Родным словом» сделал то же, что когда-то Пушкин — в поэзии... Когда в школе стали читать сказки, песенки, веселые и замысловатые пословицы, загадки,—мудрые головы уныло и недоверчиво покачивали головами и считали это чтение греховным... Успех «Родного слова», громадный, неслыханный у нас успех, был торжеством «новой школы», нового ученья, нового метода и — смертельным приговором старой, отжившей рутине старобукварной учёбы».

Однако по-другому отнеслись к учебникам Ушинского министерство народного просвещения и реакционные педагоги. Известный мракобес, профессор педагогики и философии Московского императорского университета П. Д. Юркевич обвинял Ушинского в том, что его статьи в «Родном слове» лишены религиозного существа и поэтому малосодержательны и скучны. «Родному слову» Юркевич предпочитал азбуку некоего попа Никольского, где «нет ни козлика, ни котика, ни, даже, злой бабы». Ему вторил А. Г. Филонов, автор «Книги для первоначальнюго чтения», по своему содержанию прямо противоположной учебникам Ушинского, обвиняя «Детский мир» и «Родное слово» в антирелигиозном направлении.

щих детям первоначальные знания по естествознанию, географии и обществоведению. Весь материал для чтения расположен в строгой последовательности, в целях развития логического мышления детей. В этой книге (а также и в других частях «Родного слова») помещено много рассказов, составленных самим Ушинским, например, «Вместе—тесно, а врозь—скучно», «Четыре желания» и др. В книге также помещено множество народных загадок, пословиц, скороговорок.

Книга вторая (для II класса) включает первый отдел: «Вокруг да около» (в школе и дома; домашние животные; конюшня, скотный двор и птичник; огород и сад; на улице и на дороге); второй отдел: «Времена года» (зима, весна, лето, осень); третий— образцы упражнений во внимательном чтении и правильном письме, подготовляющих практически к изучению грамматики.

Книга третья (для III класса) названа «Родное слово, год третий, первоначальная практическая грамматика с хрестоматией». Она состоит из двух отделов: «Грамматика» (разбор простого предложения, слияние и связь предложений, статьи для разбора и изучения наизусть) и «Грамматическая хрестоматия» (приложение к грамматике, статьи для повторения пройденного и дальнейших упражнений).

Ученым комитетом министерства народного просвещения «Детский мир» и «Родное слово» были квалифицированы как «вредные книги» (ввиду обилия в них статей по естествознанию, что истолковывалось в смысле распространения в школе материализма) и запрещены для учебного пользования. В письме в министерство Ушинский по этому поводу с возмущением говорил: «Если бы мои книги названы были плохими учебниками, то я сам сознаю, что должны быть написаны лучше, но название «вредных книг» кладет самую оскорбительную печать на всю мою педагогическую деятельность. За что же это? Неужели за то, что я всегда шел прямой дорогой?».

Одновременно с «Родным словом» Ушинский пишет самый капитальный свой труд — «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии». Основная идея этой работы была высказана автором еще в первой его педагогической статье—«О пользе педагогической литературы» и выражалась в желании Ушинского создать научные основы воспитания, взамен существовавшей рецептуры, более вредной, чем полезной.

«Если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях,—говорил Ушинский,—то она должна прежде узнать его тоже во всех отношениях». Неразработанность научных основ педагогики приводила к крупным ошибкам в воспитании. Часто люди, не задумываясь, брались за воспитание, полагая, что это дело просто и понятно, и «тем понятнее и легче кажется оно, чем менее человек с ним знаком, теоретически или практически».

Между тем деятельность воспитателя, если подходить к ней серьезно, чрезвычайно сложна и обширна. Воспитание охватывает всё развитие человека, как психо-физическое, так и социальное. Воспитатель должен иметь научный взгляд на развитие человека, обширные знания о физическом, духовном и нравственном развитии человека.

Исходя из таких соображений, Ушинский и взялся за «Опыт педагогической антропологии». В своем труде он стремился обобщить все научные данные по вопросам воспитания.

О содержании «Педагогической антропологии» Ушинский писал: «В первом томе, который мы выпускаем те-

перь в свет[1], изложены нами немногочисленные физиологические данные, которые мы считали необходимыми изложить, и весь процесс сознавания, начиная от простых первичных ощущений и доходя до сложного рассудочного процесса.

Во втором томе излагаются процессы душевных чувств, которые, в отличие от пяти внешних чувств, называем просто чувствованиями, а иногда чувствами душевными, или чувствами сердечными и умственными (каковы: удивление, любопытство, горе, радость и т. п.). В этом же томе, за изложением процесса желаний и воли, изложим мы и духовные особенности человека, оканчивая тем нашу индивидуальную антропологию.

Изучение человеческого общества с педагогическою же целью потребовало бы нового, еще большего труда...

В третьем томе мы изложим в системе, удобной для обозрения, те педагогические правила и наставления, которые сами собой вытекают из рассмотренных нами явлений человеческого организма и человеческой души. В этом томе мы будем кратки, потому что мы не видим никакой трудности для всякого мыслящего педагога, изучив психический или физиологический закон, вывести из него практические предложения... В этом и состоит преимущество изучения самых законов наук, прилагаемых к педагогике, перед изучением голословных педагогических наставлений, которыми наполнена большая часть германских педагогик. Мы не говорим педагогам: поступайте так или иначе, но говорим им: изучайте законы тех психических явлений, которыми мы хотим управлять, и поступайте, соображаясь с этими законами и теми обстоятельствами, в которых вы хотите их приложить».

Таковы были намерения автора замечательного «Опыта педагогической антропологии», которым, к сожалению, не суждено было вполне завершиться.

Созданная вокруг Ушинского министерством народного просвещения атмосфера неприязни и непрекращающейся клеветы окончательно подточила и без того слабое его здоровье. Весной 1870 года, не закончив работы над третьим томом «Антропологии», он тяжело заболел.

[1] Первый том «Опыта педагогической антропологии» был напечатан в 1868 году, второй — в 1869 году. Третий том Ушинским не был дописан, автор лишь подготовил материалы, изданные посмертно отдельной книгой под заголовком: «Материалы для педагогической антропологии, том III».

СМЕРТЬ К. Д. УШИНСКОГО

По совету врачей Ушинский уехал в Крым и поселился недалеко от Бахчисарая, где было кумысолечебное заведение. Почувствовав некоторое улучшение здоровья, он отправился на южный берег Крыма через Симферополь. В это время в Симферополе собрался учительский съезд, и участники его восторженно встретили знаменитого русского педагога.

Из Симферополя Ушинский проехал в Ялту, где прожил несколько недель и, почувствовав себя совсем хорошо, в конце июля 1870 года покинул Крым.

Дома его встретило большое горе—смерть старшего сына Павла, по нечаянности ранившего себя на охоте. Это был слишком тяжелый удар, подломивший физические и душевные силы Ушинского.

После похорон сына здоровье его опять резко ухудшилось. Тогда же до Ушинского дошел слух, что учебная администрация Симферополя получила строгое внушение от министерства за допущение его к участию в съезде учителей и за тот почёт, который был оказан ему съездом. Это известие было последней каплей горечи, переполнившей чашу страданий Ушинского.

Врачи потребовали от него немедленной повторной поездки в Крым. По дороге в Одессу Ушинский простудился и слег, у него открылось воспаление легких.

В ночь на 22 декабря 1870 года (3 января 1871 года по новому стилю) оборвалась жизнь великого труженика, борца за народное просвещение К. Д. Ушинского.

* * *

Самым последним произведением Ушинского, написанным им незадолго до смерти, была его статья—«Общий взгляд на возникновение наших народных школ»[1], проникнутая глубоким уважением к народу и простому человеку.

С горечью констатировал Ушинский, что после царского манифеста об «освобождении» крестьян материальное положение последних не улучшилось. Это, по мнению Ушинского, являлось серьезным препятствием в обучении крестьянских детей. «Крестьянин,—писал он,—

[1] Статья была опубликована в журнале «Народная школа», № 5 за 1870 год.

едва может прокормить своих детей, да и то не чистым хлебом, а пополам с лебедой, соломой или мякиной». Автор статьи требовал, чтобы «школа перестала быть орудием религиозной пропаганды, и развивалась уже соответственно с развитием потребностей гражданской жизни», так как «духовенство скорее стало мешать дальнейшему развитию школы, чем способствовать ему». Смело осуждал Ушинский и политику правительства, задерживавшего развитие народного обучения: «правительство наше,—говорил Ушинский,—тоже мало сделало до сих пор для народной школы... простой народ наш находится на крайней степени невежества, и его обработка земли—главнейший источник государственного дохода—остается на том же первобытном положении, в котором находилась она, может быть, до татарского нашествия. Ясно, что такое положение долго протянуться не может, потому что с каждым годом оно становится всё неестественнее и напряжённее».

Вследствие того, что ни правительство, ни церковь не в состоянии были сделать ничего реального в народном просвещении, Ушинский предлагал радикальное средство: «наше убеждение в отношении зарождающейся школы состоит в том, чтобы предоставить это дело самому народу».

ОСНОВЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ К. Д. УШИНСКОГО

Ушинский оставил обширное и многообразное педагогическое наследство. Руководящей идеей его педагогики является идея народности. Ушинский говорил: «Есть одна только общая для всех прирожденная наклонность, на которую всегда может рассчитывать воспитание: это то, что мы называем народностью. Как нет человека без самолюбия, так нет человека без любви к отечеству... Воспитание, если оно не хочет быть бессильным, должно быть народным». Идея народности вытекала у Ушинского из глубокой любви и уважения к простому народу, из благородного чувства патриотизма, которое было руководящим принципом всей жизни великого педагога.

Ушинский высказывал убеждение, что решающим фактором в производственной и культурной жизни страны

является народ потому, что именно он—создатель материальных и духовных богатств. «Не забудем,—писал Ушинский,—что этот народ создал тот глубокий язык, глубины которого мы до сих пор еще не могли измерить; что этот простой народ создал ту поэзию, которая спасла нас от забавного детского лепета, на котором мы подражали иностранцам; что именно из народных источников мы обновили всю нашу литературу и сделали ее достойной этого имени».

Ушинский выдвигал требование развития народной школы и народного просвещения. Школа и культура, по убеждению Ушинского, должны быть достоянием самого народа. Он мечтал о том, чтобы в каждой деревне, имеющей 30 дворов, «была бы хорошая школа, не школа грамотности только, в которой ограничивались сообщением навыка чтения и счета, но подлинно народная школа, как воспитательно-образовательное учреждение», обеспечивающее широкое культурное развитие народа. Своей организацией и содержанием образования школа должна служить потребностям народа. Именно этим требованием Ушинский особенно близок советскому народу и советскому учительству.

Но, выдвинув и отстаивая требование широкого развития народного просвещения, Ушинский оставался в практическом его решении на неправильных позициях, полагая, что этого можно достигнуть, в условиях самодержавия, через либеральные реформы. Здесь сказывалось глубокое противоречие во взглядах Ушинского. Желая служить народу просвещением, Ушинский, однако, политически не поднялся до степени революционного сознания, как это сделали его современники, революционные демократы 40—60 годов прошлого столетия, — Герцен, Белинский, Чернышевский, Добролюбов.

Следовательно, когда мы говорим о прогрессивном значении педагогики Ушинского, то имеем в виду систему тех взглядов, которые вытекают из его идеи народной школы и народного просвещения. Именно в этой области Ушинский выступает как прогрессивный педагог. Правда, и здесь, местами, Ушинский противоречив. Задача заключается в том, чтобы выявить у Ушинского то, что было у него прогрессивным с точки зрения исторической, а также взять у него все полезное и ценное, что может быть использовано в нашей педагогике.

В. И. Ленин учил: «...надо уметь различать, что было в старой школе плохого и полезного нам, надо уметь выбрать из нее то, что необходимо для коммунизма» [1].

Разрабатывая философские основы педагогики, Ушинский не согласился с идеалистической западно-европейской педагогикой и критикой ее сделал шаг вперед в теории воспитания. Следует заметить, что Ушинский не довёл критики идеализма до конца. В его философии имеются материалистические черты, но в целом он далеко еще не свободен от идеализма.

В решении основного вопроса философии—об отношении мышления к бытию, духа—к природе—Ушинский идеалист, что выражено в его религиозности.

Анализ философских высказываний Ушинского позволяет сделать вывод, что материалистические черты в его философии наиболее полно выражены в теории познания. Но и здесь он не стоит полностью на материалистических позициях.

Ушинский правильно говорил, что надо «учить дитя наблюдать верно и обогащать его душу возможно полными, верными, яркими образами, которые потом становятся элементами его мыслительного процесса». Здесь Ушинский признавал, что данные, получаемые от восприятия, являются элементами мыслительного процесса, сознания человека. Вместе с этим, Ушинский противоречиво утверждал, что акт сознания обусловливается врожденными идеями или, как говорил он, «врожденными верованиями», существующими самостоятельно, независимо от восприятия и деятельности человека.

Когда Ушинский говорил, что знания возникают в результате восприятия внешнего мира через органы чувств, он высказывал материалистический взгляд; там, где он ставил сознание в зависимость от субъективной деятельности ума—«врожденных верований»,—становился на субъективно-идеалистическую точку зрения.

В этике, не порывая с религией, Ушинский, однако, придал религии и религиозному воспитанию самостоятельное значение, а нравственное воспитание вывел не из религии, а из социальной жизни и труда человека.

Ушинский подчеркивал значение воспитания, как одного из средств культурного развития народа. На основе анализа огромного научного материала он делал важ-

[1] В. И. Ленин. Соч., том XXX, стр. 405.

ный теоретический вывод, что воспитание зависит от общества и его устройства; цели воспитания вытекают из жизненных целей людей, их общественных интересов.

Еще в лекциях, читанных в Ярославском Демидовском лицее, Ушинский говорил, что «человек, преследуя свои личные интересы, уединяет, обособляет свою личность... Но, живя в таком уединенном преследовании своих личных интересов, мог ли бы человек не только развиться до этой степени, на какой мы его теперь видим, мог ли бы даже достичь своих личных интересов... Самое поверхностное рассуждение убедит нас в невозможности человеческого развития без общества... Человек развивается только в истории, только в истории сознает свое развитие—и нет истории без общества. Общественная жизнь необходима для развития, она сама строится по степени этого развития, сама является его выражением».

Следовательно, личность не только зависит от общества, но сама в свою очередь влияет на общество. Это взаимодействие личности и общества и образует исторический процесс общественного развития.

Распространяя и уточняя эту теорию применительно к развитию человека, Ушинский ставит между личностью и обществом деятельность человека, его труд, через который и происходит активное взаимодействие между личностью и обществом. Через труд, деятельность развивается и человек: «Без личного труда, — писал Ушинский,— человек не может итти вперед; не может оставаться на одном месте; но должен итти назад».

Человека на труд побуждает цель жизни. Если у человека отнять её, он будет несчастным. Можно удовлетворить человека всеми наслаждениями жизни, но, лишенный цели, он будет «влачить свое существование, а не жить». Цель жизни и деятельность человека,—заключал Ушинский,—являются слагаемыми, из которых образуется сильный и сосредоточенный характер. Человеку важно наметить правильные цели жизни. В этом поможет ему воспитание, и это должно составлять главную заботу преднамеренного воспитания. Но на что может опереться при этом воспитатель в воспитаннике? — на свободное развитие всех высших сил человека. Это возможно лишь при гармоническом развитии человеческой личности.

Под гармоническим развитием Ушинский понимал такое развитие, при котором воспитатель, опираясь на природу ребенка, и в частности на «нервные задатки» его, ведет человека от низшего, чувственного состояния, к высшему состоянию—нравственному, духовному. Ушинский усматривал истинную цель воспитания в развитии «гуманности в человеке, человека в человеке». По этому поводу он писал: «Мы смело высказываем убеждение, что влияние нравственное составляет главную задачу воспитания, гораздо более важную, чем развитие ума вообще, наполнение головы познаниями и разъяснение каждому его интересов».

Исходя из идей народности в воспитании, Ушинский далее делал вывод, что главным содержанием нравственного воспитания является воспитание в детях «сердечной любви к отечеству».

Решение вопроса о средствах и приемах воспитания Ушинский искал в антропологии, системе наук, изучающих человека, и прежде всего—в психологии. В ней он желал получить ответ, каким же образом развивать в психике ребенка нравственные стремления. Ушинский совершенно ясно понимал, что нравственное воспитание нельзя превращать в дрессировку, при которой сознание не участвует в развитии поведения человека, и это поведение формируется механически. «Главнейшая дорога человеческого воспитания, — писал Ушинский, — есть убеждение, а на убеждение можно действовать только убеждением. Всякая программа преподавания, всякая метода воспитания, как бы хороша она ни была, не перешедшая в убеждение воспитателя, остается мертвой буквой, не имеющей никакой силы в действительности. Влияние личности воспитателя на молодую душу составляет ту воспитательную силу, которую нельзя заменить ни учебниками, ни моральными сентенциями, ни системой наказаний и поощрений».

Нужно доводить до сознания ребенка те принципы поведения, которым его хотят научить. Но ведь сознание ребенка недостаточно развито: далеко не все может воспринять. Отсюда вытекает необходимость ограничения выдвинутого выше принципа. Ушинский так писал об этом: «человек в своих поступках, конечно, должен руководиться разумностью их, но в число разумных причин входит самая ограниченность нашего разума и постепенность его созревания... Вот почему воспитание,

выводя свои правила из разума, должно стараться превращать их в наклонности человека и в виде этих наклонностей, а не сознательных предписаний разума, передавать их детям и юношам. Воспитание наклонностей необходимо должно предшествовать развитию разума и воспитание положительных стремлений — воспитанию сомневающегося ума». Вот почему Ушинский протестовал против обыкновения читать детям сентенции, считая, что они только развращают детей, между тем как по взглядам взрослых людей эти сентенции должны бы развивать сознание ребенка. «Приучая детей слушать высокие слова нравственности, смысл которых непонятен, а главное, не прочувствован детьми,—писал Ушинский,—вы приготовляете лицемеров, которым тем удобнее иметь пороки, что вы дали им ширмы для закрытия этих пороков». Это говорит о том, что проблема нравственного воспитания не может быть разрешена так упрощенно, как казалось бы с самого начала. Метод воспитания должен в конце концов выделиться в развитие убеждений ребенка, но не все в воспитании сводится к убеждению, и не все начинается с убеждения.

Чтобы понять систему воспитания, предложенную Ушинским, необходимо принять во внимание, что разделив «Педагогическую антропологию» на два тома, Ушинский предназначил первый из них, в котором трактовались вопросы познания, для обоснования дидактики, второй, в котором излагались чувствования и воля,—для обоснования воспитания. В процессе обработки этого большого труда для Ушинского стало ясным, что генетически первое место в психике занимают чувствования, которые возникают под влиянием различных потребностей. Эти чувствования осложняются сознательными представлениями и затем, превращаясь в желания, реализуются в форме тех или иных поступков. Развитие психики ребенка начинается, таким образом, с чувствований, которые возникают раньше, чем сознательные представления, развивающиеся только постепенно на основе чувствований. Совершенно понятно, что если необходимо давать нравственное воспитание ребенку, то начинать нужно с укрепления чувствований, с культивирования в них известного нравственного содержания. Основы нравственности должны быть заложены прежде всего в начинающих развиваться элементарных чувствованиях ребенка. Если это будет сделано, в таком случае

будет значительно облегчена и задача культуры высших нравственных переживаний в ребенке.

Эта сторона методики нравственного воспитания, предложенной Ушинским, до сих пор мало еще обращала на себя внимание педагогов. Но она представляет большой интерес, так как показывает, как следует закладывать основы нравственного воспитания уже с первых лет жизни ребенка.

Ушинский считал, что твердая основа моральному воспитанию может быть заложена еще в детском возрасте, если связать первые, сами по себе безразличные чувствования и первые навыки ребенка с определенными моральными задачами. Такие элементарные чувства, как страдание и наслаждение, радость и печаль, влечение и отвращение и т. д. могут получить моральную или антиморальную окраску, в зависимости от того, на что они направлены. Этой направленностью и могут создаваться в ребенке уже с детства предпосылки для нравственного поведения и нравственных убеждений.

Разрабатывая теорию чувствований, Ушинский, решительно критиковал взгляды идеалистической западно-европейской педагогики, и в частности, утверждение реакционного немецкого педагога Гербарта, что чувства возникают из представлений. В противовес педагогам-идеалистам, Ушинский выдвигал материалистическое положение, что чувства рождаются в психике человека «точно так же, как рождаются в ней ощущения звука или света в ответ на вибрацию слуховых и зрительных нервов». Вместе с тем он отвергал и другое утверждение гербартианской педагогики, что чувствования являются помехой в развитии сознания, считая что каждая мысль сохраняет в себе след того чувства, с которым она была связана. Ушинский делал вывод, что само сознание в свою очередь может вносить те или иные изменения в характер чувствований или придавать им другой оттенок: «веселая мысль часто заставляет нас улыбнуться при самом печальном настроении»—замечает Ушинский. Следовательно, чувства человека могут воспитываться.

В «Педагогической антропологии» Ушинский подробно останавливается на раскрытии сущности элементарных нравственных чувств и методах их воспитания. На воспитание искренности и правдивости, чувства дружбы, доброты и нежности, стыда и раскаяния, смелости, влечения, трудолюбия и других положительных чувств пе-

дагог должен обращать внимание с самого раннего возраста детей. Вместе с тем необходимо препятствовать возникновению и развитию в детях отрицательных чувств: тщеславия, чванства, эгоизма и др., как тягостных для личности и общества.

Отстаивая мысль о том, что «главнейшая дорога человеческого воспитания есть убеждение», Ушинский требовал, чтобы весь процесс формирования личности находил свое завершение в создании убеждений. Для воспитания не безразлично, какие убеждения будут вноситься в сознание воспитанника. Основное условие при этом, чтобы убеждения не были случайными. Воспитатель может свое дело вести верным путем, если сам он будет обладать верными и твердыми убеждениями.

Из нравственных убеждений в процессе воспитания и деятельности личности вырастают нравственные привычки. Последние, обращенные в правило, образуют принцип поведения воспитанника.

В своем труде «Человек как предмет воспитания» Ушинский, кроме нравственных чувств, различает еще две группы чувствований: умственные и эстетические. Разработанная Ушинским теория нравственных, умственных и эстетических чувств имеет большой практический интерес. Нужно отметить, что в трактовке этого вопроса Ушинский ушел далеко вперед, по сравнению с зарубежной педагогикой, и достигнутыми результатами исследования сделал крупный вклад в педагогическую науку.

В рассмотрении чувствований Ушинский правильно ссылался на зависимость их от физиологических процессов, протекающих в организме, представлений человека и общего состояния сознания. Он также указал на большое значение труда в формировании нравственности, высказав убеждение, что «сила труда служит источником человеческого достоинства, а вместе с тем и нравственности и счастья». Ушинский отмечал, что нравственные чувства выражают «стремление к жизни в человеческом обществе» и играют «очень важную роль во всех наших общественных отношениях». Нравственность человека,—считал он,—зависит от «мнения других людей».

Этими выводами о роли труда и общественных условий в формировании нравственности Ушинский опровергал взгляды педагогов-идеалистов, утверждавших,

что нравственность является врожденным качеством и не зависит от общества, от «мнения других людей». Таким образом, Ушинский по существу формулировал материалистический подход к решению вопроса о природе нравственности и чувств человека. Но эти выдвинутые им положения он не развил до конца и ограничился лишь отвлеченным пониманием общественной среды, взятой вне времени и конкретных общественных отношений между людьми. Ушинский не сумел материалистически обосновать свои выводы и остался в рассмотрении нравственных чувств «на полпути» от идеализма к материализму, заняв двойственную и противоречивую позицию.

Марксистско-ленинское учение о сознании и чувствах человека подчеркивает, что они являются всегда производными от исторических форм практической целесообразной деятельности людей. Из этого следует, что чувства—одна из форм общественного бытия человека. В классовом обществе нравственные чувства людей в своем направлении отражают происходящую классовую борьбу. Следовательно, чувства человека не только обусловлены общественным существованием его, но постоянно изменяются в зависимости от общественных отношений.

«Что касается «диких» чувств и взглядов людей,— указывает товарищ Сталин,—то они не так уж вечны, как это некоторые предполагают: было время, время первобытного коммунизма, когда человек не признавал частной собственности; наступило время, время индивидуалистического производства, когда частная собственность овладела чувствами и разумом людей; наступает новое время, время социалистического производства,— и что же удивительного, если чувства и разум людей проникнутся социалистическими стремлениями. Разве бытие не определяет собой «чувства» и взгляды людей?[1]».

Решающим фактором в формировании духовной жизни людей, их взглядов и чувств является способ производства, осуществляемый обществом в каждый данный исторический период и определяющий собою производственные и общественные отношения людей, их политические учреждения, идеи, взгляды, чувства. Ясно при этом, что чувства каждого отдельного человека не являются простым, механическим, зеркальным от-

---

[1] И. В. Сталин, Соч., том I, стр. 338.

ражением общественно-исторических условий его существования; они формируются в процессе деятельности личности, активного взаимодействия человека с окружающей его общественной средой.

Анализируя процесс обучения, Ушинский возражал тем педагогам, которые задачу обучения сводили к одностороннему упражнению умственных сил, безотносительно к знанию. Опираясь на психологию, Ушинский делал вывод, что «рассудок развивается только в действительности реальных знаниях... и что самый ум есть не что иное, как хорошо организованное знание». Вместе с этим Ушинский был не согласен и с теми педагогами, которые отрицали всякое значение обобщающей деятельности разума и ограничивали обучение только передачей знаний. Ушинский требовал гармонического сочетания обоих этих направлений на основе данных научной педагогики.

Исходя из идеи народности, Ушинский считал, что подлинно гуманной школой, опирающейся на жизнь народа, будет лишь та, которая в центре образования поставит изучение родного языка и родной литературы. «За изучением родного языка,—говорил Ушинский,—мы ставим изучение других предметов, непосредственно раскрывающих человека и природу, а именно: историю, географию, математику, естественные науки; за ними помещаем изучение новейших иностранных языков, а в изучении древних видим специальность, необходимую для известной отрасли ученых занятий».

Образование должно готовить человека к творческой умственной деятельности. Важно также развить в детях привычку к умственному труду. «Умственный труд—едва ли не самый тяжелый труд для человека. Мечтать легко и приятно, но думать трудно»,—правильно замечает Ушинский.

Считая, что мыслительный процесс состоит «только из тех элементов, которые были восприняты нами из внешнего мира», Ушинский на первый план в обучении выдвигал наглядность, получившую у него ясное и убедительное материалистическое обоснование. В этом—одна из наиболее сильных сторон педагогики Ушинского. «Что такое наглядное обучение? Да это такое учение,—говорил Ушинский,—которое строится не на отвлеченных представлениях, а на конкретных образах, непосредственно воспринятых ребенком, будут ли эти об-

разы восприняты при самом учении, под руководством наставника, или прежде, самостоятельным наблюдением ребенка». Отсюда Ушинский определяет ход ученья, как движение от конкретного к отвлеченному, от представления к мысли. При первоначальном обучении принцип наглядности используется главным образом для развития речи: «Пусть учитель приносит в класс картину за картиной, меняя их тогда, когда все содержание картины будет беседою исчерпано и когда дети приобретут навык рассказывать картину порядочно для своего возраста. Успех от такого наглядного обучения будет значительный».

Вместе с этим, Ушинский большое внимание обращает на логическую обработку материала преподавания, в целях развития логического мышления у детей в процессе обучения. Образцом такой логической обработки материала являются его учебные книги— «Детский мир» и «Родное слово». В «Детском мире» дан специальный отдел (IV)—«Первые уроки логики». Высоко оценивая значение логики в обучении, Ушинский, однако, совершенно правильно предостерегал против отрыва логических форм мышления от знаний, требуя, чтобы развитие логических операций происходило вместе с увлечением запаса конкретных знаний: «Рассудочные ассоциации должны развиваться и усложняться вместе с развитием способности к точным наблюдениям и увеличениям запаса знаний».

В программе по педагогике, разработанной для женских учебных заведений, Ушинский указывал на следующие общедидактические требования успешного обучения: своевременность, постепенность, органичность, постоянство, твердость усвоения, ясность, самодеятельность учащегося, отсутствие чрезмерной напряженности и чрезмерной легкости, нравственность, полезность.

Обучение детей важно начать своевременно, но «угадать настоящее время для начала ученья довольно трудно». Ушинский придерживался того мнения, что «лучше начать ученье несколько позднее, чем несколько ранее, хотя как то, так и другое имеет свои дурные стороны».

Требование «органичности» Ушинский раскрывал так: «Повторяя беспрестанно старое и при каждом повторении прибавляя немного нового, дитя прочно ус-

ваивает громадное количество фактов, которого бы ему никогда не одолеть, еслиб он усвоил один факт за другим, не строя нового на прочном фундаменте старого... Главных основных идей в курсе немного; к ним беспрестанно возвращаются и связывают с ними усвоенное, при чем дитя приучается само к плодотворному развитию главных идей. При таком преподавании голова учащегося не набивается, как мешок, фактами, плохо усвоенными, и идеями, плохо переваренными; но те и другие как бы вырастают органически из немногих зерен, глубоко посаженных в душу. Правда, этот органический рост души идёт сначала очень медленно; но чем далее, тем быстрее и чем прочнее заложен фундамент знаний и идей в душе ученика, тем больше и прочнее здание можно возвести на этом фундаменте».

Ушинский также особо подчеркивал требование нравственности в обучении. «Мы требуем,—говорил он,—чтобы учитель русского языка, учитель истории и т. д. не только вбивали в голову своим ученикам факты своих наук, но развивали их умственно и нравственно». Если, например, в преподавании «сообщаются какие-нибудь безнравственные поступки отдельных личностей или народов, то они должны быть сообщаемы так, чтобы они возбуждали негодование, отвращение, презрение, а никак не восторженное удивление».

С огромным воодушевлением говорил Ушинский о роли учителя в воспитании детей. Предъявляя высокие требования к нравственности учителя, Ушинский отстаивал мысль о том, что чем моложе возраст детей, тем более учитель должен быть не столько учителем, сколько воспитателем. В отношении учителя средней школы Ушинский говорил: «В преподавателе среднего учебного заведения знание предмета далеко не составляет главного достоинства. Трудно ли знать какой-нибудь один предмет в пределах гимназического курса. Трудно ли знать три, четыре такие предмета, занимаясь ими исключительно год или два. Но главное достоинство гимназического преподавателя состоит в том, чтобы он умел воспитывать учеников своим предметом. Необходимо, чтобы занятия преподавателя с одним и тем же классом продолжались по возможности дольше».

Таковы, в самых общих чертах, основы педагогического наследства К. Д. Ушинского. Из изложенного видно, что необходимо разбираться в том, что надо из-

влечь из него, что отбросить, что переработать. Религиозная настроенность Ушинского для современного читателя выглядит очень наивно. В политических взглядах он оставался позади своих современников—революционных демократов Чернышевского и Добролюбова. Мы отбрасываем и идеализм в философском мировоззрении Ушинского, с которым он полностью не расстался до конца жизни. Ценным вкладом в педагогическую науку является разработанная им теория воспитания нравственных чувств. Но она выглядит у него несколько отвлеченно. Нравственная деятельность человека носит конкретный, общественный характер. Ушинский нравственные чувства рассматривал абстрактно и в отрыве от классовости общества. Отмечая совершенно правильные взгляды его на воспитательное влияние учителя, мы, однако, не можем согласиться с весьма неопределенным заявлением Ушинского, что в начальных классах «предметная система обучения, где каждый предмет преподается особым образом, никуда не годна». Опыт работы советской школы показывает обратное.

Наша критика отнюдь не умаляет положительных и прогрессивных сторон в педагогике Ушинского. Не случайно его педагогическая система привлекает советских воспитателей. В ней имеется много ценного как в теоретическом, так и в практическом отношении, не говоря уже об огромном значении теории воспитания Ушинского в историческом развитии педагогической науки.

Всю свою жизнь Ушинский посвятил разработке новых путей развития русской педагогики на основе идеи народности и глубокого психологического анализа процесса воспитания. Он при этом отвергал все «новейшие» теории воспитания, распространенные в Западной Европе и Америке, доказывая, «что все эти теории страдают теоретической самонадеянностью», строят воспитание на основе «ложных и потому вредных фантазий». В своих книгах и статьях Ушинский дал обстоятельную критику подобным теориям.

Ушинский показал, что во французском воспитании много обращено внимания на бесполезный «внешний блеск и тщеславие», в то время как правильное развитие детей отсутствует не только в школах, но и в семье, вследствие чего «народ потерял всякое уважение к воспитанию, школам и педагогам».

Совершенно неприемлемым считал Ушинский основной принцип английской педагогики, гласивший: «чем раньше начнете вы обращаться с мальчиком, как со взрослым человеком, тем он скорее человеком сделается». Этот принцип игнорирует возрастные особенности детей и находится в полном противоречии со здравым смыслом. В Англии нет никакой заботы о народных школах,—замечал Ушинский,—которые там пренебрежительно называют «школами в лохмотьях».

С чувством глубокого возмущения писал Ушинский о «нравах» и «обычаях», царящих в Соединенных Штатах Америки. «Соотечественник Вашингтона,—говорил Ушинский,—вместо слова подымает палку в сенате, хватается за подкуп или нож там, где нельзя доказать своего права». В будущем,—писал Ушинский,—американец или «должен сделаться защитником торга людей, безнравственности, дикости, невежества... или приняться вновь строить свою жизнь». Для Ушинского было ясно, что при отсутствии хотя бы элементарной нравственности в общественной жизни США не может быть и речи о правильном воспитании.

В немецкой педагогике Ушинский отмечал отвлеченность от жизни, что в практике воспитания приводит к незнанию фактов, верхоглядству, формализму, узости и ограниченности. Он также подвергал основательной критике постановку женского образования в Германии.

Разрабатывая педагогику на основе идеи народности, Ушинский беспощадно критиковал русское дворянство за его стремление раболепно подражать в воспитании какому-либо иностранному образцу. Носителем лучших нравственных традиций, по Ушинскому, является русский народ, который воплотил в себе и любознательность, и смелость, и отвагу, и патриотизм, и трудолюбие, и чувство собственного достоинства.

Ушинский глубоко верил в даровитость русских детей и считал, что эта даровитость является благодарной почвой для воспитательной и образовательной деятельности школы. Оценивая их способности, Ушинский писал: «Посетив множество заграничных школ, я вынес твердое убеждение о большой даровитости русских детей, особенно сравнительно с маленькими немцами, и думаю, что у нас гораздо более, чем в немецкой школе, нужно заботиться о том, чтобы эта самая даровитость не выработалась в поверхностное понимание вещей».

В педагогическом наследстве Ушинского особенно привлекают наше внимание такие его прогрессивные взгляды, как новая трактовка народности в воспитании, требование обучения на родном языке, идея о необходимости познания своей родины — ее истории, географии, поэзии. В педагогике Ушинского ценна также научная разработка важнейших проблем воспитания и обучения (воспитание логического мышления, его учение о нравственных чувствах, новая постановка вопроса о наглядности в обучении). Ушинский справедливо требовал серьезной подготовки учителя по педагогике и психологии.

В условиях самодержавия прогрессивные идеи великого русского педагога не могли получить своего осуществления как при жизни Ушинского, так и после его смерти.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция создала в нашей стране условия для широкого развития народного образования, для обучения на родном языке, построения воспитания и обучения детей на основах научной педагогики. Под руководством партии Ленина—Сталина советский народ достиг небывалых успехов в развитии культуры и школы. Советская школа является самой передовой и лучшей школой в мире.

В СССР введено всеобщее обязательное семилетнее обучение, при дальнейшем расширении среднего образования. Партия большевиков и советское правительство уделяют исключительное внимание развитию культуры в стране. «Мы хотим,— говорил товарищ Сталин,— сделать всех рабочих и всех крестьян культурными и образованными, и мы сделаем это со временем»[1]. Эти слова вождя неуклонно претворяются в жизнь. Школа из привилегии помещиков, духовенства и буржуазии, какой она была в старое время, в наших советских условиях стала достоянием народа.

Советское учительство, совершенствуя методы воспитания и обучения детей, творчески перерабатывает все лучшее и ценное, что имеется в трудах К. Д. Ушинского.

---

[1] И. Сталин, «Вопросы ленинизма», изд. 11. ОГИЗ, 1939, стр. 609.

Высоко оценивая педагогическое наследство Ушинского, М. И. Калинин говорил в речи на Всероссийском совещании руководящих работников народного образования 30 января 1941 года: «Мы живем 80 лет спустя, у нас уже социалистический строй. Но я вижу, что те идеи, которые развивал в свое время Ушинский и которые я здесь выдвинул в качестве практических предложений, это—настоящие педагогические идеи. Мало того: я считаю, что они только в нашем социалистическом обществе и могут быть полностью осуществлены».

Приложения

ДОКУМЕНТЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ПРОФЕССОРСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ К. Д. УШИНСКОГО В ЯРОСЛАВСКОМ ЛИЦЕЕ

Документ № 1.

Ваше Сиятельство, милостливый государь
Граф Сергей Григорьевич!

Желаю оправдать себя и поэтому решаюсь писать к Вашему Сиятельству.

Еще не зная библиотеки Демидовского лицея, я предполагал, что встречу там недостаток в книгах по моим кафедрам—Энциклопедии законоведения, Государственного права и науки Финансов—и старался предупредить это, сколько позволяли мои собственные средства. Но, прибывши на место, я увидел, что этот недостаток был более предполагаемого: в течение 10 лет не выписано почти ни одной юридической книги, ни одной для Энциклопедии законоведения и ни одной для Финансов,—библиотека не имеет даже Свода законов. Существующие книги, кроме отдела Римского права, самые жалкие, тогда как кафедры других наук каждый год прибавляли много дельного и даже роскошного к богатому уже собранию.

Исправить этот недостаток на свои собственные средства с прибавкою тех 45 руб. серебр., которые достаются на мою долю из ежегодной лицейской выписки, было невозможно. В это время один из моих товарищей, преподаватель политической экономии, поставленный в одно положение с мною, просил разрешения выписать книг на 250 руб. серебром из экономической суммы; разрешение было. Я решился последовать его примеру не только в форме представления, но даже в назначении самой суммы, которая означает вовсе не то количество денег, в котором нуждается юридическая библиотека, но только величину той помощи, какую может оказать в этом случае наш небогатый Лицей, но я не был так счастлив, как мой товарищ.

---

[1] Документы были впервые опубликованы доцентом Н. В. Зикеевым в «Ученых записках» Ярославского пединститута имени К. Д. Ушинского. 1948 г., выпуск XIII.

Из каталога, отправляемого теперь по требованию Вашего Сиятельства, легко видеть, почему я ждал случая представить его лично. Во-первых, о формировании библиотеки по тому или другому предмету здесь не может быть и речи. С этим убеждением я просил Лицей только помочь мне достать средства для полного чтения лекций. И потому рассчитывая, что всех денег должно будет издержать около 2.000 руб. ассигн., я просил от Лицея помощи на 250 р. серебр. с тем, что на них будут приобретены самые дорогие и лучшие издания. Во-вторых, из того же каталога видно, что в нем помещены далеко не все книги, на которые указывает литература моих предметов и притом пропущены многие сочинения общие, тогда как некоторые части довольно полны. Причины этого: недостаток времени, практическая цель нашего заведения, которая требует более подробности в частях, нежели полноты в отвлеченной теории. Подробного изложения всех частей не допускает время, и потому я предполагал обратить особое внимание только на те части, которые в настоящее время имеют особенную важность, так, например, я желал развить статьи: кадастр, косвенные налоги, государственные имущества—в полной их практической приложимости, а потому и назначил довольно много сочинений по этим частям. Такие же причины мог бы я представить в оправдание каталога книг и по энциклопедии, но объяснить все это в официальной бумаге мне казалось трудным.

За употребление этих денег по назначению ручается то, что книги выписываются и деньги уплачиваются самим Правлением Лицея. Вот причины, которые заставили меня медлить доставлением каталога, и теперь заставляют меня просить у Вашего Сиятельства дозволения оправдать мой каталог лично и предварительно заняться в библиотеке Московского Университета пересмотром тех из книг, с которыми я знаком только по ссылкам других авторов и, справившись с ценами, представить Вашему Сиятельству список книгам, назначаемым собственно для библиотеки Лицея.

Прошу покорнейше простить мне мою смелость—письменно беспокоить Ваше Сиятельство, но в этом случае я пользуюсь только милостивым Вашим позволением.

Вашего Сиятельства
покорнейший слуга Константин Ушинский.

1847 г. 2 июня.
Ярославль.

Мособлархив, ф. Московский учебный округ, д. М. 249. I стол, л. 7—8, 1848 г.

Документ № 2.

ПРОЕКТ

правил для испытания студентов Демидовского Лицея и для присуждения им разных наград

§ 1

В конце каждого академического года производятся студентам всех трех отделений Демидовского Лицея испытания по всему пройденному в течение года.

§ 2

По окончании лекций каждый преподаватель представляет в Совет краткую программу пройденного им в течение года из всех предметов, входящих в состав его кафедры. Из этих программ преподавателями составляются потом вопросы для испытания, которые пишутся в билетах.

§ 3

При закрытии лекций собирается Совет, в котором назначается время и порядок испытаний и распоряжение Совета тотчас же передается инспектору для объявления студентам, в этом же Совете назначаются и ассистенты для испытания из каждого предмета.

§ 4

Испытание производится по билетам самим преподавателем, в присутствии директора и одного из профессоров, по возможности предмета ближайшего к предмету испытания.

§ 5

Отметки ставятся самим преподавателем, во время самого экзамена цифрами 0, 1, 2, 3, 4, 5, которые в восходящем порядке означают: совершенное незнание, знание слабое, посредственное, достаточное, хорошее и отличное. По окончании испытания отметки просматриваются всеми офицально присутствующими и списки, которые должны быть в двух экземплярах (один для Совета и один для директора), подписываются директором, преподавателем и ассистентом. В случае возникающего спора об отметках, он окончательно решается Советом по голосам, при равенстве которых голос преподавателя имеет перевес.

§ 6

Если студент отвечает на первый билет неудовлетворительно, то преподаватель предлагает ему еще два и может сверх того предлагать ему вопросы из всего предмета. Вопросы могут быть предлагаемы студенту всеми присутствующими при испытании.

§ 7

Из доставленных в Совет канцелярии списков составляется общий список по каждому отделению, где против имени студента означаются полученные им баллы, каждый порознь и притом так, чтобы главные предметы были отделены от побочных и в конце выведен средний балл особо из главных предметов и особо из побочных (средний балл получается, в частности, от разделения суммы всех баллов на число предметов). Дроби должны быть означаемы точностью.

§ 8

Из общих списков за каждый год для студентов третьего отделения составляется общая ведомость, из одних юридико-камеральных предметов по всем трем отделениям, где выводится средний балл за все три года.

§ 9

Общие списки за каждый год и ведомости за три года составляются секретарем Совета и, как и другие, проверяются Советом, подписываются всеми его членами и скрепляются секретарем. Это производится в Совете, имеющем заседание тотчас по окончании всех испытаний. В этом же заседании производится суждение как о переводе студентов из отделения в отделение, так и о выпуске окончивших курс учения.

§ 10

Перевода в высшее отделение удостаивается студент, получивший из главных предметов в общем числе не менее трех и из приготовительных не менее двух с половиной: студент, получивший единицу в каком бы то ни было предмете, перевода не удостаивается. Из этого правила исключаются языки французский и немецкий, в которых получивший единицу и оказавший хорошие познания во всех других предметах, может быть удостоен перевода с тем только условием, чтобы при выходе из Лицея приобретенные им потом знания в этом языке доказал бы в присутствии Совета.

§ 11

Студент, получивший единицу в каком бы то ни было предмете и оказавший отличные успехи во всех других, может быть допущен приговором Совета к переэкзаменовке, время которой назначается также Советом.

§ 12

Студенты Демидовского Лицея по новому уставу удостаиваются при выпуске прав на 14 и 12 классы. Первого из этих прав удостаиваются получившие в общем выводе из юридико-камераль-

ных предметов не менее трех, второго из этих прав удостаиваются получившие за все три курса из этих же предметов в общем выводе не менее четырех полных баллов.

§ 13

К главным предметам причисляются, во-первых, богословие, во-вторых, все юридико-камеральные науки. К приготовительным— русская словесность, политическая экономия, арифметика, бухгалтерия и новейшие языки.

§ 14

Студент, получивший балл 2 в одном из юридико-камеральных предметов, прав на 12 класс лишается, хотя бы в общем выводе из этих предметов и получил он 4.

§ 15

Студент, не явившийся на испытание и предъявивший Совету чрез инспектора законных причин, остается на том же курсе. Законность причин уважается Советом, который в этом случае тогда же определяет время для испытания неявившемуся студенту. Впрочем, это испытание может быть не иначе, как в начале следующего академического года перед открытием лекции.

§ 16

Студент, пробывший на одном и том же отделении два года и не удостоенный перевода в высшее, исключается из списков студентов.

§ 17

Студент, не явившийся на испытание и на переэкзаменовку во второй год своего пребывания на одном и том же отделении по законным причинам, которых законность уважена Советом, может быть по приговору его оставлен и на 3-й год, но не долее.

§ 18

Студент, находящийся на содержании Лицея, если не будет удостоен перевода в высшее отделение в первый год, лишается лицейского содержания и на его место в то же время помещается один из лучших и недостаточнейших по состоянию студент. Но если инспектор представит в Совет законные причины неуспешности студента и если эти причины будут приняты Советом, то студент может остаться на второй год на содержании Лицея. Распоряжение об этом присуждении Совета входит в состав занятий Правления Лицея.

§ 19

Все законные причины, принимаемые в расчет Советом, как неявки, так и неуспеваемости студента, должны быть доставляемы инспектором в Совет заблаговременно, т. е. ко времени испытания.

§ 20

При выпуске студентам выдаются аттестаты за подписью почетного попечителя Лицея, всех членов Совета, скрепою секретаря и приложением лицейской печати. В сих аттестатах обозначаются, во-первых, общие успехи студента и его поведения, во-вторых, в частности, те предметы, которыми студент преимущественно занимался в течение всего курса и оказал в них отличные успехи и, в-третьих, успехи его занятий по сельскому хозяйству.

§ 21

Формы для аттестатов должны быть составлены предварительно и изготовлены для этого печатные бланки, за напечатание которых взыскивается с получающего студента надлежащая плата. Студент, не желающий воспользоваться печатным материалом, может получить письменный.

§ 22

Студентам, выходящим из Лицея до окончания полного курса, выдается свидетельство, в котором означаются не только общие успехи, поведение студента и баллы в отдельных предметах, слушанных им в Лицее, но также и баллы, полученные на испытании при поступлении в Лицей, или успехи, означенные в аттестатах, выданных им из гимназии.

§ 23

Лицей имеет в своем распоряжении три медали: одну золотую и одну серебряную для ежегодных наград студентов, представивших отличные рассуждения на ежегодно задаваемую тему, и одну серебряную—Демидовскую, за отличные успехи и поведение во все время пребывания в Лицее.

§ 24

Темы на рассуждения для получения медалей сдаются ежегодно, по одной из профессорских кафедр по порядку, однажды навсегда установленному в Совете. Из предметов, составляющих профессорскую кафедру, преподаватель может выбирать какой ему угодно.

§ 25

Тема объявляется преподавателем в Совете, имеющем заседание перед открытием лекций нового академического года и потом объявляется преподавателем в первую его лекцию.

§ 26

На заданную тему могут писать студенты двух отделений.

§ 27

Рассуждения представляются не позже 1 мая в канцелярию Совета запечатанными при особом запечатанном пакете, содержащем имя автора и имеющем наверху один девиз с рассуждением. По получении рассуждение тотчас передается в Совет и по распечатании отдается для прочтения профессору, назначившему тему.

§ 28

Профессор, назначивший тему, по прочтении рассуждения должен письменно изложить свое мнение о рассуждении и представить его вместе с последним в Совет, где рассуждение читается снова и присуждается ему награда по большинству голосов, при равенстве которых голос профессора, назначившего тему, имеет перевес.

§ 29

В случае равного достоинства двух или более рассуждений одному выдается медаль, а прочим свидетельство на право иметь таковую. Первенство в этом случае решается жребием.

§ 30

В случае сомнения о том, действительно ли сочинение написано представившим его студентом, может иметь место тентамент.

§ 32

Серебряная Демидовская медаль выдается тому из отличнейших студентов, кто из всех юридико-камеральных предметов получения по 5. При равенстве двух или более студентов принимаются в расчет баллы из других предметов. В случае же совершенного равенства—решается жребием. Кроме отличных успехов для получения этой медали студент должен отличаться примерным поведением.

§ 33

Каждая из этих медалей сопровождается особым на нее свидетельством, которое выдается студенту за подписью всех членов Совета, скрепою секретаря и приложением лицейской печати. В свидетельстве на Демидовскую медаль подписывается и инспектор [1].

Директор — подпись.
Профессор — **Семеновский.**
В должности профессора — **П. Федоров.**
Профессор — **Дм. Байков.**
В должности профессора — **К. Ушинский.**
В должности профессора — **Львовский.**

---

[1] Мособлархив, ф. Московский учебный округ, д. № 300, л. д. 2—7, 1847 г.

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НАЧАЛЬНИК
Ярославской губернии

По **канцелярии**
21 декабря 1849 года
№ 9812
г. Ярославль

Документ № 3.

КОНФИДЕНЦИАЛЬНО.

Господину товарищу Министра Народного Просвещения

На отношение Вашего состояния за № 2268, имею честь уведомить, что наблюдение и заботливость за студентами Демидовского лицея со стороны начальных лиц, говоря собственно о настоящем времени, достаточны и полезны.

Обращаясь же к прошедшему времени (не более полугода тому назад), я находил: в студентах лицея большое своеволие, а в начальниках их—нечто похожее на потачку, обращение с воспитанниками, так сказать, панибратское, и что всего нетерпимее, видел в них дух неуважительности к начальству и даже противодействие директору лицея г. Тиличеву. Впрочем, отзыв этот до всех и каждого не должен касаться, а следует отнести исключительно к профессорам Ушинскому и Львовскому, которые подали слишком невыгодное о себе понятие за свободу мыслей и передачу оных воспитанникам лицея.

Когда пошли в обществе об этом толки, и я получил о сем сведения, то, не теряя времени, дабы искоренить зло в самом начале, я через секретное мое отношение просил директора лицея уведомить меня—в какой мере справедливы возрождающиеся толки о студентах лицея и о профессорах Ушинском и Львовском. Полученный мною ответ, как вполне подтвердивший вышеозначенные сведения, — я немедленно препроводил к г. попечителю Демидовского лицея на дальнейшее распоряжение.

О чем, почтительнейше уведомляя, я имею честь доложить Вашему Сиятельству, что хотя в настоящее время профессора Ушинский и Львовский переведены в другие места, но не остался ли в этом заведении, хотя в самой малой мере, дух своеволия, тем паче непокорности к начальству—я бы показал, с своей стороны, ныне строжайше подтвердить директору лицея—чтобы он на предметы такого рода неупустительно обращал свое внимание. Я же, с своей стороны, исполняя свои обязанности, если что-либо с достоверностью узнаю непорядочное по внутреннему управлению лицея, то не премину, ничего не скрывая, довести и до сведения Вашего Сиятельства.

Свиты его императорского величества
генерал-майор (подпись) [1].

---

[1] Ленинградский Ц. Г. Исторический архив. Фонд МНП. Дело № 247—260—130. 497, 1849 г., Канцелярия МНП. О буйных поступках студентов Ярославского Демидовского лицея.

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор **В. Рымашевский.**

Обложка художника **Н. Кирсанова.**

Техн. редактор А. Астафьев. Корректор М. Григорович.
Подписано к печати 6 сентября 1949 г. АК 08216, 4,25 печ. л., 3,5 авт. л., 3,6 уч.-изд., л. Тираж 5000. Цена 1 р. 25 к.

Типография издательства при Ярославском облисполкоме.
Ярославль. Республиканская, 61. Зак. 3748.

КРАТКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ ОСНОВНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ К. Д. УШИНСКОГО

1. **К. Д. Ушинский.** Собрание сочинений. Издательство Академии педагогических наук РСФСР. Намечено к изданию 10 томов. За 1948 и 1949 гг. вышло из печати 5 томов. Содержание их следующее:

Том I. Ранние работы К. Д. Ушинского, написанные им с 1846 по 1856 год, т. е. в период поступления в Ярославский лицей и до начала работы в Гатчинском институте.

Том II. Педагогические статьи, проекты, заметки и другие материалы за время с 1857 по 1861 год, т. е. за период работы в Гатчинском и Смольном институтах.

Том III. Педагогические статьи и другие материалы, относящиеся к 1862—1870 годам, т. е. ко времени увольнения К. Д. Ушинского из Смольного института и до его смерти.

Том IV. Учебная книга «Детский мир» и «Хрестоматия». Текст книги дан в окончательной обработке К. Д. Ушинского, по 10-му изданию 1870 года.

Том V. Методические статьи и материалы к «Детскому миру».

В следующих томах намечено поместить «Родное слово», капитальный труд «Человек как предмет воспитания», а также автобиографические и др. материалы.

2. **К. Д. Ушинский.** «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии», тт. I и II. Имеется несколько изданий. В издании 2-м за 1903 год книга напечатана в сокращенном виде.

3. **К. Д. Ушинский.** «Родное слово». Три книги. 146 изданий.

4. **Собрание неизданных сочинений К. Д. Ушинского.** Материалы для «Педагогической антропологии», т. III и материалы для биографии, издания 1908 года.

Цена 1 р. 25 к.